

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марьяна Легенда

**О жизни золотой рыбки
в человеческом облиции**

«Автор»

2026

Легенда М.

О жизни золотой рыбки в человеческом облики / М. Легенда — «Автор», 2026

Что, если золотая рыбка из сказки Пушкина — не вымысел, а магический артефакт, запущенный небесной канцелярией? По желанию обычной старухи артефакт становится человеком. Девочка Изольда рождается в СССР 1972 года и проживает жизнь, полную драмы: Алтай, Зареченск, лихие 90-е, Москва. Она чувствует чужую боль, слышит мысли, встречает смерть лицом к лицу. Но кто она на самом деле — жертва чужой прихоти или часть великого замысла? Роман о том, как трудно быть чудом среди людей, как легко забыть себя и как больно возвращаться домой. Смесь магического реализма, советской саги и философской притчи. Для тех, кто верит, что за каждой случайностью стоит небо.

© Легенда М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Защита дипломного проекта «Земля»	11
Глава 2. Проблема управления или «Нужен инструмент потоньше»	15
Глава 3. Техническое задание для чуда	17
Глава 4. О том, как устроена игра	19
Глава 5. Гурзуфская рыбалка	21
Глава 6. Женщины: баги или фичи системы?	25
Глава 7. Сборная солянка по спасению рыбки, или Как гении перестарались	29
Глава 8. Рождение и первые глюки	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Марьяна Легенда
О жизни золотой рыбки
в человеческом обличии

О жизни золотой рыбки в человеческом обличии

Пролог

Сцена первая

За столом сидит Пушкин, на кушетке сидит его бабушка Арина Родионовна.

– Нянюшка, вот рассуди – я назвал стих свой «Сказка о золотой рыбке», а там же нет ни слова о том, кто такая рыбка, где она живёт, что она делает, когда старик её отпускает.. Этот образ у меня совсем не раскрыт.. и самое непонятное – нет у меня настроения расписывать, но в душе метания и терзания, вроде как что-то не совпадает, недосказанность какая-то, али страх, что опять не поймут.

Арина Родионовна, не отрываясь от вязания, качнула головой, и в уголках её губ заплясала улыбка:

– Саня, Саня... Да разве ж в сказках всё объясняют? Вон у меня в деревне бают – русалки по озёрам шляются, лешие в чащобе стонут. Кто их видел? Кто про них толком знат? А слушат, затаив дыхание. Тайна она, Золотая рыбка, как искра в печи. Поймал старик – и ладно. А ты её в клетку словесную посадить захотел?

Пушкин откинулся на спинку стула, перехватив перо, будто шпагу:

– Вот именно, няня! Не клетка ей нужна, а свобода. Пусть читатель сам домыслит: то ли рыбка – дух морской, толи царевна заколдованная... Или просто чудо, которому причины не ищут. Сказка – не летопись. Да и указания свыше на это собственно, не было..

Бабушка прищурилась, будто разглядывала узор на холсте:

– А может, рыбка и есть тот самый читатель? Плывёт себе в неведомой глубине, а как его поймают – желания исполняет.

И Золотая рыбка, она на то и Золотая, живет себе где-нибудь во дворце. И ждёт, когда её кто-нибудь поймат и желание загадат. Да только не всякое желание ей по нраву...

Поэт засмеялся, и в смехе том был звон мартовской капли:

– Батюшки! Да вы, няня, мудрее Гомера! Ладно... Пусть останется загадкой. А то распиши я её – стали бы критики да профессора кости перемывать: «Акульки плавники у рыбки? Жабры? Родословная?»

Комната наполнилась тишиной, и лишь дрова в камине потрескивали. Арина Родионовна кивнула, будто ставила точку в давнем споре:

– Так-то лучше, Сашенька. Сказка – что песня. Сыграл от сердца – и хорошо. А кто слов не разобрал – тот сам в своей душе на свой манер допоёт.

Пушкин взглянул в окно, где звёзды мерцали, как чешуя невидимой рыбы, и пробормотал себе под нос:

– А ведь и правда... Иногда молчание – самая звонкая строка. А название и поменять можно.

И перо, брошенное на стол, замерло, будто золотая рыбка, выпрыгнувшая из чернильницы в океан вечности.

P.S.: Авторский недомолвок – не лень, а доверие к тому, кто читает. Ведь самое важное часто прячется между букв.

Сцена ещё первая

Первое большое совещание после запуска проекта Земля

Совещание на облаках. Во главе стола сидит Бог, вокруг него – Серафимы, Господства, Ангелы, Архангелы, в общем все архитекторы и управляющие этого мира. Сегодня здесь многолюдно (многобожественно): помимо небожителей, приглашены ведущие специалисты Кафедры Демиургов – те, кто непосредственно проектировал планеты и жизнь на них.

В дальнем конце стола скромно притулился Леня, студент–демиург, чей дипломный проект «Земля» недавно был принят с пометкой «креативно, но сыро». Он нервно тербит край облака и старается не встретиться взглядом со Смертью, которая сидит напротив и буравит его пустыми глазницами.

Бог обвёл присутствующих тёплым и любящим взглядом, таким, от которого у нашкочивших малышей мурашки бегут по телу:

– Итак, что мы будем делать с проектом «Люди на Земле»? У кого есть идеи?

Персонажи за столом высказывались спокойно, без особого интереса, не перебивая друг друга:

– Да какие идеи могут быть с этой Землёй? Проект провалился, надо его закрывать...

– А что, если всё пустить на самотёк?

– Человечество, люди... да они просто сами себя убьют...

– В солнечной системе это единственная планета с возможностью проживания на ней аватаров, и не только. Не забывайте, что планета Земля – это самовосстанавливающаяся система, но и её люди могут разрушить точно так же, как это было в других галактиках.

– Тоже считаю, что проект закрывать нельзя до тех пор, пока не достигнут искомый результат. И полигон для испытаний идеальный, нельзя его позволять уничтожить.

– Должен быть какой-то другой выход из этой ситуации...

Тут поднялся Астран, преподаватель астрономии, вечно молодой и дерзкий:

– А давайте придумаем им земных богов, религию в конце концов. Пусть эти боги говорят людям, что делать, если они совсем будут стремиться к тому, чтобы всё разрушить. Разрешим людям делать всё что угодно – они могут врать, воровать, убивать друг друга, но у них будет мораль. Через этих богов, которые будут говорить, что как раз таки лгать, воровать, грабить, убивать нельзя! И вот в этой дуальности пусть они мучаются, но зато Планета будет сохранена.

Бог постучал пальцем по мраморному столу, отчего в небе грянул гром. Ангелы вздрогнули, а архангел Михаил неловко уронил свиток с надписью «Апокалипсис 2.0 – черновик».

– Религии? – переспросил Бог, скептически глядя на Астрана. – То есть, мы дадим им мораль, но оставим свободу её игнорировать? Это как встроить в айфон функцию «не разбивать экран», но оставить молоток в комплекте.

– Именно! – оживился ангел–стажер по имени Арчи, который до небесного повышения работал игровым сценаристом. – Люди обожают конфликты! Представьте: одни будут молиться доброму богу–олению, другие – злому богу–кальмару. А мы устроим им «твич–трансляцию» священных войн. Рейтинги взлетят!

Архангел Гавриил, ответственный за природные катастрофы, мрачно хмыкнул:

– В прошлый раз, когда мы запустили «Всемирный потоп», они 4000 лет рисовали радугу как мем. А теперь вы хотите дать им *ещё* богов?

Вдруг с края стола раздался мелодичный звон – это подключилась богиня Хаосиса, которую все звали «Хася». Её крылья были перекрашены в кислотный цвет, а вместо нимба крутился мини–торнадо.

– А давайте добавим им *бонус*: пусть каждый верующий получит личного демона–искусителя! Ну, для баланса. Типа, «соблюдай заповеди, но, если очень хочется своровать яблоко – вот тебе бесёнок с вилами».

– Это гениально! – Арчи начал быстро рисовать схему на облачной доске. – Смотрите: религии = правила игры, демоны = читы. Люди будут вечно метаться между «спаси меня, боже!» и «эй, бес, дай скидку на грехи».

Бог вздохнул, наблюдая, как ангелы спорят, какие атрибуты выдать новым богам. Архангел Рафаэль настаивал на «10 заповедях с подпиской», Михаил предлагал «бонус–пакет проковок за репост», а Хася уже придумала культ котиков – «чтобы смешать сакральное с милым».

– Погодите, – вмешалась Терра, богиня плодородия. – Вы забываете о главном. На этой планете, которую создал вон тот юноша, – она кивнула в сторону Леньи, – уже есть своя специфика. Ленья, расскажи коллегам, что ты там наворотил.

Ленья покраснел, встал и, заикаясь, начал:

– Ну... я действительно создавал Землю как дипломный проект. Спешки было много, дедлайн горел... Я скопировал базовый ДНК-шаблон, добавил стандартную атмосферу, тектонику плит... Но чтобы было оригинально, я вошёл в психику существ... эээ... случайный генератор сбоев.

– Чего–чего? – переспросил архангел Гавриил.

– Ну, чтобы иногда тост падал маслом вниз, носки терялись по одному, а в самый неподходящий момент нападала икота. Мне казалось, это сделает мир... живее. А ещё я добавил им жажду познания, но приложил к ней инстинкт самосохранения, который кричит «не лезь, опасно!». И чувство справедливости, которое вечно спорит с эгоизмом. И главное – модуль «Вопрос „Зачем?“», вшитый прямо рядом с инстинктом выживания.

В зале повисла тишина.

– То есть, – медленно проговорил Реагентус, старый химик, – ты создал существ, которые обречены вечно мучиться выбором между «хочу знать» и «страшно», между «справедливо» и «выгодно», и при этом они ещё и страдают от дурацких случайностей?

– Ну да, – Ленья совсем сник. – Но они же благодаря этому стихи пишут! И музыку! И в космос летят, хотя страшно!

– А ещё они друг друга убивают, – подала голос Смерть. – И знаешь, юноша, благодаря твоему «генератору сбоев» процесс этот непредсказуем и оттого особенно увлекателен. Я, пожалуй, поставлю тебе пятёрку.

Бог поднял руку, призывая к тишине:

– Ленья, твой проект мы уже приняли. Вопрос сейчас в другом: как нам повлиять на ситуацию, чтобы люди не уничтожили всё то, что ты с таким трудом (пусть и наспех) создавал?

– Можно магию добавить, – пискнул Ленья. – У нас на курсе была дисциплина «Внедрение артефактов в примитивные цивилизации». Я как раз зачёт сдавал.

– Магию? – переспросил Бог. – Это как?

– Ну, например, запустить в океан существо, которое будет исполнять желания. Маленькое, безобидное на вид, но с характером. Чтобы оно не просто работало как автомат, а могло оценивать – достоин человек чуда или нет. Это и тест, и инструмент, и развлечение.

Хася оживилась:

– О! Я знаю, о чём он! Золотая рыбка! Классика! Я даже знаю, как её сделать. Давай, Ленья, поможешь? У тебя же опыт генной инженерии.

– Ну... – Ленья замаялся. – Вообще–то я больше по планетарным масштабам, но если Виталий поможет с биологией...

Виталий, бог живых существ, цветущий и румяный, кивнул:

– Я согласен. Сделаем рыбку красивую, с золотой чешуёй, с интеллектом, но с жёстким протоколом: три желания на одного человека, никакого глобального вмешательства, право на отказ, если желание глупое или злое. И пусть говорит приятным голосом, с хрипотцой.

– И характер! – добавила Хася. – Чтобы могла обидеться или, наоборот, расчувствоваться. Чтобы с ней интересно было.

Бог посмотрел на эту троицу – Хасю, Виталия и Леню – и улыбнулся:

– Что ж, попробуем. Религии – это слишком громоздко и уже не раз проваливалось. А маленькое, точечное чудо... может сработать. Запускайте свою рыбку. Посмотрим, что из этого выйдет.

Он провёл рукой над голограммой Земли, и в океане засверкала крошечная искорка.

– Пусть живёт, ждёт своего часа. И помните: главное – не корыто, а разговор. Чтобы люди учились формулировать истинные желания, а не сиюминутные капризы.

– А если не сработает? – спросил архангел Михаил.

Бог пожал плечами:

– Тогда добавим драконов. У нас в запасе есть пара симпатичных видов из соседней галактики.

Совет разошёлся. Хася, Виталий и Леня отправились в лабораторию – колдовать над рыбкой. А Бог остался наедине с голограммой Земли. На экране мелькали люди: кто-то строил храмы, кто-то разбивал их, а подросток в джинсах с дырками рисовал на стене «Бог мертв», пока его мама кричала: «Иван, иди обедать!».

– Интересно, – прошептал Бог, запуская в океан гигантского кальмара с табличкой «Я вас предупреждал». – Они когда-нибудь догадаются, что все их боги – это один я в разных париках?

Внизу, на Земле, в это время первобытный шаман съел грибов и увидел в грозовом небе лицо Бога. «Вау, – подумал он. – Надо высечь это на камне. И... эээ... потребовать дары. Много даров».

Так началась эра религий. Почти везде... Но это уже совсем другая история.

От автора

Я долго думала над тем, как бы мне представить себя и того, кто автор всего вот этого великолепия, и мой логический процессор (так я теперь называю мозг для солидности) выдал следующее: меня явно создавал не Вселенский Архитектор, не Древний Бог и уж точно не всемогущий инопланетный учёный. У этих ребят, судя по мифам, либо размах эпический, либо кризис среднего возраста космических масштабов. Меня же, если взглянуть в детали, делал кто-то с явной склонностью к прекрасному хаосу, экспериментам «на авось» и здоровой лени.

Итак, представляю: Леня, демиург-студент четвёртого курса факультета «Локальные Вселенные и Прикладная Реальность» в Академии Нетелеологических Искусств и Спонтанного Бытия (АНИСБ) на Гипертуманности Андромеды.

Сессия на носу, а у него ещё дипломный проект не готов. Все одгруппники давно пафосные мультивёрсы запускают с десятью видами магии и запланированным апокалипсисом, а наш герой три недели играл в межгалактический квидич и смотрел сериалы про примитивные цивилизации (наша Земля для них – что-то вроде наших мыльных опер). Делать нечего – надо сдавать хоть что-то. За ночь до дедлайна, на последнем энергетике из соседнего измерения, он на коленке собирает прототип.

Его цель? Получить «зачёт». А для этого в техзадании сказано: «Создать разумную форму жизни в замкнутой системе (планета классом не выше G2) с демонстрацией парадокса

свободы воли и предопределения, наличием этического компаса и встроенным механизмом поиска смысла. Приветствуется оригинальность».

Ленья зевает, копирует базовый ДНК-шаблон с соседней галактики («Зачем изобретать колесо? Главное – обвеска!»), но решает добавить «фишку» для оригинальности. Вместо чёткой программы «размножайся–строй–покоряй» он накидывает в психику существ целый ворох взаимоисключающих параграфов:

- Жажда познания, но прилагает к ней мощный инстинкт самосохранения, который кричит «не лезь, опасно!».

- Потребность в общении и любви, но в довесок – гору обидчивости, ревности и неумение говорить прямо.

- Острое чувство справедливости, которое постоянно спорит с животным эгоизмом.

- Мечтательность, способную породить симфонии и полёты к звёздам, и приступы лени такой силы, что можно сутками смотреть, как сохнет краска на заборе.

- А главное – вшивает на самый верх системы, прямо рядом с инстинктом выживания, неудобный и назойливый модуль «Вопрос «Зачем?»».

«Вот это будет оригинально! – думает Ленья, допивая энергетик. – Пусть мучаются, ищут, пишут стихи и воют из-за них. Это и есть демонстрация «свободы воли в условиях неопределённости»! Гениально! А чтобы не было скучно, добавлю-ка я ещё случайный генератор абсурда: пусть иногда шампунь почему-то перестаёт мылиться, носки теряются ровно по одному, а тост всегда падает маслом вниз. Для поддержания тонуса».

Он заливает прошивку в случайную обезьяну на третьей планете от ничем не примечательной звезды, ставит галочку «Включить сны (бета-версия, возможны глюки)», тыкает в «Скомпилировать» и отправляет проект в автоматическую проверку. Сам же валится спать, наутро еле живой получает свой «зачёт» с пометкой «Работает нестабильно, но креативно. Допустить к защите».

Глава 1. Защита дипломного проекта «Земля»

(Академия Нетелеологических Искусств и Спонтанного Бытия (АНИСБ), Гипертуманность Андромеды. Время действия: за миллиарды лет до того, как Пушкин сел писать сказку)

Коридоры Академии гуляли сквозняками межвременья. Здесь время текло не водой, а киселем – его можно было черпать ложкой, переливать из измерения в измерение и даже, если ты демиург–троечник, случайно пролить на экзамене, создав временную аномалию в какой-нибудь ничем не примечательной галактике. В такие моменты в тех мирах начинали рождаться пророки, а историки потом ломали головы над «потерянными столетиями».

Реликт Неогенович, куратор с лицом существа, которое уже миллион лет не верит в чудеса, но вынуждено их организовывать по долгу службы, семенил по коридору, шаркая сандалиями по облачной плитке. За ним, пыхтя и то и дело поправляя сползающую Звёздную систему, поспевал его подопечный. Восемь планет болтались на гравитационных нитях, как дешёвые бусы, а центральное светило – жёлтый карлик – мерцало с явным намёком на скорую кончину.

– Леня, – голос куратора сочился усталостью чёрной дыры, – ты хоть понимаешь, что твой проект – это... это не просто провал? Это мем. Тебя будут показывать на лекциях первокурсникам как пример того, как НЕ надо делать. Причём в назидание на ближайшие несколько миллионов лет.

Леня, чей нимб светил тускло и с перебоями (экономия энергии – святое дело для студента четвёртого курса), виновато перекладывал систему из руки в руку, стараясь, чтобы планеты не стукнулись друг о друга. В прошлый раз, когда он их уронил, пришлось три дня собирать осколки Венеры по всей лаборатории.

– Реликт Неогенович, ну я старался... Я там на третьей планете жизнь развёл! Разумную! Они уже колесо изобрели, и даже почти придумали, как сжечь всё, что наизобретали.

– Ага, – Куратор резко остановился, ткнув пальцем в сине-зелёный шарик. – Я видел. Назвал её... – он сощурился, прочитал неоновую этикетку, – «Земля». Весьма поэтично. А этих... существ? – он увеличил масштаб, и по коридору разнеслась канонада взрывов, перемежаемая залпами артиллерии. – Они там сейчас друг друга за какой-то кусок территории мочат. И, судя по динамике, это надолго.

– Свобода воли, – пискнул Леня, используя главную отмазку демиургов–неудачников.

– Свобода воли, – передразнил Реликт. – Ты им инстинкт самосохранения вшил? Вшил. Жажда познания? Вшил. А вместе с ними – ревность, жадность и любовь к деньгам. Ты что, думал, они в обнимку пойдут симфонии сочинять? Хотя, погоди... – он присмотрелся. – Вон там, кажется, как раз оркестр играет. А рядом с ними – чума. Ну, баланс, допустим. Но это же не системная работа, а лотерея!

– Ну... сочиняют ведь некоторые... И даже в космос полетели. Правда, пока только в пределах своей системы, но я дал им мечту о звёздах! – Леня попытался придать голосу уверенность.

– Мечту о звёздах они используют, чтобы нацелить ракеты друг на друга, – буркнул Куратор и толкнул дверь в зал заседаний Кафедры Демиургов.

Зал был полон. Члены Совета восседали на облачных тронах, чей уровень пушистости прямо пропорционален статусу. В центре, под портретом Творца Всего Сущего (который, по слухам, уже миллиарды лет был в бессрочном отпуске и на звонки не отвечал), расположился сам Архонт, Верховный Демиург. Он даже не взглянул на вошедших – листал какой-то планшет с соседней галактикой, где, кажется, опять назревал кризис чёрных дыр. По правую руку от

него сидела Терра, богиня плодородия, в венке из колосьев, и с любопытством разглядывала студентов. По левую – мрачный Хтоний, от которого веяло холодом и затхлостью подземелий.

Ленья встал на отметку «Студент». Систему его поставили на вращающийся подиум. Восемь планет послушно закружились вокруг жёлтого карлика, который выглядел так, будто его собирали на скорую руку и забыли докалить. Где-то на задворках системы болтались две карликовые планеты – память о неудачном эксперименте с гравитацией.

– Ну-с, приступим, – Астран, вечно молодой и дерзкий преподаватель астрономии, тут же подскочил к системе. Его нимб сверкал ярче других – он любил быть в центре внимания. – О! Знакомая песня. Солнце – карлик. Меркурий – поджарился. Венера... – он дунул, и от планеты пошёл серный смрад. – Кислотный ад. Кто так атмосферу проектирует? Ты вообще на лекции ходил?

– Ходил... – промямлил Ленья, краснея. – Просто я думал, что парниковый эффект сам отрегулируется...

– Сам отрегулируется! – Астран всплеснул руками. – Слышали? Это же надо такое придумать! Природа, молодой человек, требует точного расчёта, а не авось!

– А это что за сине-зелёное чудо? – Астран ткнул в Землю. – Жизнь? На четвёртом курсе? Смело. Но глупо. Астероиды предусмотрел? – Он щёлкнул по поясу астероидов, и пара булыжников полетела к Юпитеру. – Гравитационный щит? Забыл. Придётся им самим отбиваться. Хотя, гляди-ка, один уже летит прямо в эту планету... – Он проследил траекторию и удовлетворённо хмыкнул. – Ну, может, и пронесёт. Пока.

Встал Реагентус. Старый, в халате с пятнами, которые могли разъесть и бессмертного, с вечно слезящимися глазами. Он подошёл, понюхал Землю, и на планете закрутились смерчи.

– Состав атмосферы – примитив. Кислород, азот. Но... работает. Химия тел – органика, белки, ДНК. – Он покосился на Ленью. – За базу спасибо, скопировал с соседней галактики, я вижу характерные кодоны. Но... – он прищурился, – добавил абсурда. Я вижу в коде случайный генератор сбоев. Зачем?

Ленья сглотнул. Как объяснить, что это была фишка? Что он хотел, чтобы мир был не идеальным, а... живым? Не слишком предсказуемым?

– Чтобы тост маслом вниз падал, – честно сказал он.

В зале повисла тишина. Кто-то из архангелов, приставленных для протокола, поперхнулся.

Хася, богиня Хаоса, чьи крылья сегодня переливались цветами расплавленного неона, взвизгнула от восторга, подпрыгнув на своём троне:

– Гениально! То есть ты создал мир, где причинно-следственные связи работают, но в любой момент могут дать сбой ради шутки? Это же идеальный хаос! Я поддерживаю! Давайте сразу дадим ему магистра! А ещё лучше – сразу докторскую!

– Хася, сядь, – одёрнул её Структус, преподаватель анатомии, сухой и педантичный. – Ты всегда поддерживаешь любой деструктив. Нам нужны стабильные миры, а не цирк. – Он подошёл к планете, поколдовал над ней, увеличивая изображение. – Так, ну строение тел – стандарт: две ноги, две руки, одна голова. Есть пара подвидов: мужчины, женщины. Размножаются... хм, ну хотя бы не почкованием. Но зачем ты им аппендикс оставил? Бесполезная штука, только воспаляется.

– Для разнообразия, – Ленья уже не знал, куда деваться. – И ещё я сделал так, что у них зубы мудрости растут после того, как уже некуда. Чисто для веселья.

Структус закатил глаза.

Тут вскочил Динамис, физик, вечно взъерошенный, с бегающими глазами. Он подлетел к системе и стал тыкать длинными худыми пальцами в Землю, вызывая на ней землетрясения и ураганы.

– А где порталы? Почему они не могут телепортироваться? Где антигравитация? Почему сила тяжести такая скучная? 9,8 метра в секунду за секунду – это же банальность! Они так и будут всю историю ковыряться в этой своей грязи лопатами, вместо того чтобы летать мыслью!

– У них самолёты есть, – робко заметил Ленья. – И ракеты. Они уже почти вышли в космос.

– Ракеты! – Динамис театрально схватился за сердце. – На химическом топливе! Позор! А если бы я им дал реактивную тягу на основе аннигиляции? Они бы уже всю галактику заселили! Нет, вы посмотрите на этого ленивца!

– Кстати о лени, – подала голос Терра. – Ленья, скажи-ка, почему на Венере, названной в честь богини красоты и весны, у тебя такие почвы? Ни гумуса, ни чернозёма, одна сера и углекислота. Как там что-то расти должно?

Ленья замялся:

– Я... я планировал потом терраформирование. Ну, знаете, запустить там бактерии, чтобы они постепенно...

– Потом! – Терра покачала головой. – В дипломном проекте «потом» не принимается. Оценка снижается.

Дискуссия набирала обороты. Каждый член Совета считал своим долгом ткнуть в недостатки. Астрон ругал пустые планеты и неправильные орбиты. Терра возмущалась отсутствием плодородия на Марсе. Хтоний довольно кивал, глядя на кладбища и нефтяные месторождения:

– Хорошо прикопал, чувствуется забота. Уголь, газ – всё на месте. Я доволен.

И только одна Смерть молчала, буравя Ленью взглядом пустых глазниц. Она сидела в самом углу, на троне из костей, и даже воздух вокруг неё казался холоднее.

Наконец она поднялась. Сухой треск суставов заставил всех замолчать. Даже Хася перестала хихикать.

– Ленья, – голос её был шелестом песка по могильным плитам, – ты создал мир, где одно из главных моих занятий – собирать урожай с этих... двуногих. Они воюют, ненавидят, убивают. Ты дал им страсти, но не дал мудрости ими управлять. – Она повела рукой, и над планетой за клубилась тень. – Посмотри. Они уже сейчас, всего через пару тысяч лет своей истории, готовы спалить всё дотла. Свобода воли, говоришь? Они используют её, чтобы приблизиться ко мне.

Ленья стоял ни жив ни мёртв.

– Но... но у них есть и другое! – выпалил он, чувствуя, что терять нечего. – Они любят! Они пишут стихи! Они смотрят на звёзды и задают вопросы «зачем?». Они умеют прощать и жертвовать собой! Вон там, – он ткнул пальцем в Европу, – сейчас пишут симфонию, а в Азии – сочиняют хокку!

– Единицы, – отрезала Смерть. – Капля в море страданий.

– Именно эти единицы и делают вид разумным! – вдруг вступился Виталий, бог живых существ, румяный и цветущий, от которого пахло цветами и мёдом. Он встал рядом со Смертью, и та невольно отступила, прячась в тень. – Я изучил фауну. Виды выведены качественно. Пищевая цепочка работает. Есть симбиоз, есть альтруизм. Да, они агрессивны. Но агрессия – двигатель эволюции. Без неё они бы до сих пор в луже сидели. А они уже строят города!

– Города из грязи, – буркнул Астрон.

– Из грязи, но с душой! – Виталий сверкнул глазами.

Архонт, до сих пор молчавший, наконец поднял руку. Тишина стала абсолютной. Даже планеты на подиуме перестали вращаться, будто затаили дыхание.

– Достаточно, – голос Верховного прокатился по залу, сотрясая облака и заставляя нимбы присутствующих мигать. – Мы выслушали все стороны. Проект сырой. Ошибок много. Отсут-

ствие порталов, кривая гравитация, бесполезный аппендикс и этот... тост маслом вниз. Но... – он сделал паузу, и Леня почувствовал, как у него останавливается сердце (хотя у демиургов его не было, только эмулятор эмоций). – В проекте есть жизнь. Не просто набор биомассы, а нечто большее. Эти существа... они действительно задают вопросы. Они ищут смысл там, где его нет в техническом задании. Это превышает ожидания.

Он обвёл взглядом Совет.

– Проект «Земля» принимается. С оценкой «удовлетворительно с отличием» за креативность в абсурде. Допустить к защите магистерской, если через пару миллиардов лет там ещё кто-то останется. Леня, свободен.

Леня выдохнул. Ноги подкашивались. Он аккуратно, трясущимися руками, собрал свою Звёздную систему и, пятясь, вышел из зала. В коридоре его уже ждал Реликт.

– Ну что ж, Леня, – Куратор положил руку ему на плечо. – Пронесло. Но запомни: теперь это твоя ответственность. Они там, на этой планете, будут жить, страдать, радоваться и, возможно, искать тебя. А ты будешь за них отвечать. Хотя бы потому, что ты их создал.

Леня молча кивнул, сжимая в кармане тёплый шарик Земли, где сейчас, в одном из городов, какой-то поэт мучительно подбирает рифму к слову «тоска».

Глава 2. Проблема управления или «Нужен инструмент потоньше»

(Прошло несколько миллиардов лет по земным меркам, или пара недель по небесным. Тот же зал, но обстановка более нервная)

На этот раз Совет собрался экстренно. В центре зала, на голографическом экране во всю стену, висела планета Земля. Вид был так себе: пожары полыхали на всех континентах, пятна нефти расплзались по океанам, и тонкая сеть разломов, грозящих расколоть кору, пульсировала красным.

– Итак, – начал Архонт без предисловий, – отчет за истекший период. Госпожа Смерть, вам слово.

Смерть поднялась. Выглядела она... довольной. Сытой. Даже её череп, казалось, лоснился.

– Рекордный урожай, коллеги. Войны, эпидемии, техногенные катастрофы. Люди превозмогли сами себя. Особенно порадовали двадцатый и двадцать первый века. Я едва успеваю собирать души. Пришлось расширить штат сборщиков. – Она довольно облизнулась (образно, потому что губ у неё не было).

– А что с моралью? – вмешалась Терра. – Я им и религии разные подкидывала, и заповеди. Толку чуть. Одни молятся, другие тут же нарушают. А некоторые вообще придумали атеизм и живут так, будто меня нет.

– Это называется «свобода воли», – ехидно заметил Астран. – Мы им дали выбор, они выбрали войну и потребительство. Логично.

– Нелогично! – вскипел Виталий. – Виды вымирают! Экология под угрозой! Они свой же дом гробят! Я насчитал уже пять массовых вымираний по их вине!

– А мне нравится, – подал голос Хтоний, потирая руки. – Нефть, газ, уголь – всё идёт в дело. Глубинные слои земли разогреваются от их активности. Тектоника плит ускорируется. Я давно не видел таких бодрых разломов. Красота!

– Ты всегда за красоту под землёй, – фыркнула Хася, чьи крылья сегодня напоминали взрыв на фабрике по производству неона и, кажется, тихо светились в ультрафиолете. – Я предлагаю устроить им весёлую встряску! Пусть метеорит упадет! Или супервулкан проснется! Мы давно не устраивали вечеринку с эвакуацией. А помните, я ещё демонов-искусителей предлагала? Вы вот не поддержали, а людям идея понравилась – это у них «внутренним голосом» называется!

– Хася, прекрати, – устало сказал Архонт. – Мы уже пробовали метеориты. Динозавров жалко было. Они хотя бы не строили цивилизацию.

– А этих не жалко? – Хася ткнула в экран, где как раз транслировали очередной митинг, переходящий в драку.

– Жалко, – неожиданно твёрдо сказал Виталий. – Там же не только война. Там дети рождаются. Там стихи пишут. Вон, смотрите, – он увеличил фрагмент. Маленькая девочка кормила бездомного котёнка на фоне горящего дома. – Это тоже они. И таких много.

В зале повисла тишина. Даже Смерть задумалась.

– Значит, нужен инструмент, – Архонт постучал пальцем по подлокотнику, и по залу прокатился гром. – Не глобальный потоп, не метеорит. Что-то... точечное. Что будет напоминать им о том, что мир не ограничивается их войнами. Что-то, что заставит их задуматься.

– Давали уже религии, – махнул рукой Структус. – Не работает. Слишком абстрактно. Им нужно чудо в руки. Осязаемое. Чтобы можно было потрогать, испугаться и, может быть, измениться.

– Рыбка, – вдруг тихо сказала Хася.

Все обернулись к ней.

– Что?

– Ну рыбка. Золотая. Маленькая. Исполняет желания. Классика жанра. Я в старых архивах видела: в соседней галактике такой метод практиковали. Запускаешь магическое существо в экосистему, оно приходит к тем, кто отчаялся, и... вуаля! Либо человек переосмысливает жизнь, либо получает новое корыто. И то, и другое – хорошо.

Архонт задумался, поглаживая бороду (которой у него не было, но он любил этот жест).

– А почему именно рыбка? Почему не, скажем, говорящий пёс или волшебная белка?

– Ну, – Хася оживилась, заёрзав на троне, – рыбы молчат. Это создает ореол тайны. Если бы говорящая собака желания исполняла, её бы сразу в цирк забрали, посадили на цепь и заставляли выступать. А рыбка – она в воде. Недостигаема. Её нельзя запереть, нельзя заставить. Можно только попросить. Идеальный проектор фантазий. К тому же, она золотая – красиво, символично, в мутной воде видно.

– Исполнение желаний... – протянул Виталий. – Это опасно. Они же пожелают всё и сразу. Мир рухнет от жадности.

– А мы ограничим, – встрял Астран, в котором вдруг проснулся азарт гейм-дизайнера. – Три желания. И всё. И пусть думают, что загадать. Это же целая драма! Выбор! Моральная дилемма! Представляете, сколько сюжетов можно на этом построить?

– И, главное, – добавил Реагентус, ковыряя в зубах пробиркой, – рыбка будет не просто исполнять, а ещё и оценивать. Жадность накажем, доброту поощрим. Встроим ей алгоритм морального фильтра. Своего рода тест-драйв человечности.

– А если человек загадает мир во всём мире? – спросил Структус.

– А мы сделаем так, – Хася подпрыгнула, – что мир во всём мире нельзя загадать. Потому что это скучно. И вообще, такие желания блокируются по протоколу «не вмешиваться в глобальные процессы».

– То есть рыбка будет давать только личные, бытовые чудеса? – уточнил Динамис.

– Именно! – Хася хлопнула в ладоши, и по залу рассыпались искры. – Корыто там, дом, там, власть над морем... ну, вы поняли. Масштаб – микро, но эффект – макро. Потому что человек, получивший чудо, меняется изнутри.

Архонт обвёл взгляд Совет. В глазах богов горел огонёк энтузиазма. Даже Смерть заинтересованно приподняла череп.

– Хорошо, – решил Верховный. – Запускаем экспериментальный прототип «Золотая рыбка» в экосистему Земли. Задача: точечное воздействие на личностей в кризисе. Механизм: исполнение желаний с моральным фильтром. Срок: не ограничен. Отвечаете за проект... – он поколебался, – ты, Хася. Как инициатор. И ты, Виталий, чтоб биологию рыбки не испортили. Чтобы плавники блестели, чешуя горела, и голос был приятный.

– Есть! – Хася подпрыгнула, и её неоновые крылья осыпали зал конфетти, которое тут же растворилось в воздухе.

– И ещё, – Архонт поднял палец, – пусть рыбка будет не просто функцией. Пусть у неё будет характер. Чтобы если ей желание не понравится, она могла носом крутить. А то и вовсе уплыть. Интрига должна сохраняться. И пусть будет красивой легендой – чтобы про неё сказки сочиняли.

Совет одобрительно загудел. Астран уже строил планы, как добавить в систему пару комет для антуража, а Реагентус прикидывал, из какого металла сделать чешую, чтобы она не тускнела в солёной воде.

Глава 3. Техническое задание для чуда

(Лаборатория прикладного волшебства. Хася, Виталий и Леня колдуют над созданием «инструмента»)

Лаборатория Хаси больше напоминала склад новогодних игрушек, которые взорвались и теперь вели самостоятельную жизнь. Вокруг летали искры, парили формулы заклинаний, материализовались и тут же исчезали радужные единороги, а в углу кто-то невидимый настойчиво играл на варгане, периодически сбиваясь на глюкофон.

Виталий, морщась от творящегося вокруг бедлама, старательно выверял генетический код будущей рыбки на голографическом планшете. Хася носилась по лаборатории, хватая то одно, то другое. В углу на складном стульчике сидел Леня и с интересом наблюдал за процессом, изредка подавая реплики.

– Значит, так, – Хася надела защитные очки (на всякий случай, хотя кто её знает, что у неё за защита – может, они просто для красоты), – рыбка должна быть красивой. Золотая чешуя, это обязательно. Во-первых, символично, во-вторых, в мутной воде видно, в-третьих, чтобы старики сразу понимали – не простая рыба, а с нанопокрытием.

– Размер? – Виталий поднял взгляд. – Слишком крупная – выловят и съедят, не глядя. Слишком мелкая – не заметят, примут за плотву. Оптимально – с ладонь. Чтобы в ведро влезала, но из сети могла выскользнуть. И плавники сделаем длинные, вуалевые – для эстетики.

– Голос! – Хася хлопнула в ладоши. – Голос должен быть не скрипучий, не писклявый, а приятный, с лёгким гласе. И чтобы умела говорить шёпотом – для интимности момента. И чтобы интонации менялись – могла быть строгой, могла ласковой.

– А интеллект? – Виталий почесал затылок. – Просто программа «желание–исполнение» или нечто большее? Если просто программа, то рискуем получить банального джинна в чешуе. Скучно.

– Нечто! – Хася загорелась. – Давай сделаем ей личность! Чтобы у неё были свои предпочтения. Чтобы она могла обидеться на жадность. Или, наоборот, расчувствоваться от доброты. Это же интереснее! Тогда каждый контакт с человеком будет уникальным, как снежинка.

– Опасно, – покачал головой Виталий. – Если у неё будет своя воля, она может отказаться работать. Или начнёт желания интерпретировать по-своему. Захочет человек дворец, а она ему построит дворец из песка на берегу, и волной смоем.

– А вот это и есть тест! – Хася ткнула его пальцем в грудь, отчего у Виталия на мгновение выросли крылья бабочки. – Понимаешь? Если человек не сможет договориться с маленькой рыбкой, какой из него творец своей судьбы? Рыбка – это зеркало. Жадный увидит в ней препятствие, добрый – помощника. А хитрый попытается обмануть – и получит по заслугам.

Из угла подал голос Леня:

– А ещё неплохо бы заложить ей базовое понимание человеческой психологии. Я когда свой генератор сбоев проектировал, заметил: они лучше всего учатся на собственных ошибках. Если рыбка будет иногда отказывать или исполнять желание не буквально, это заставит их задуматься.

– Дельная мысль, – одобрил Виталий. – Запишем.

Они спорили ещё несколько часов, перебирая варианты: закладывать ли рыбке знание всех языков, учить ли её человеческой психологии, давать ли ей способность читать мысли (отказались – слишком мощно) или просто тонкую интуицию.

В итоге сошлись на компромиссе: рыбка получает разум, но с жёстким базовым протоколом: исполнять желания, но иметь право на оценку. А также встроенный запрет на глобальные изменения, бессмертие и воскрешение мёртвых. И, конечно, лимит в три желания на одного человека.

– А как насчёт побочных эффектов? – спросил Виталий, когда работа была почти завершена. – Вдруг она кому-то не то исполнит? Или исполнит слишком буквально? Знаешь, как бывает: «хочу быть богатым» – и человек становится банкиром, но теряет семью.

– Так в том и соль, – усмехнулась Хася. – Чудо не должно быть безопасным. Оно должно будоражить. Пусть люди знают: встретишь рыбку – готовься к переменам. А перемены – это всегда риск. И ещё они должны учиться формулировать. Чётко, ясно, с душой. Чтобы желание отражало истинную потребность, а не каприз.

Вдруг в лаборатории материализовалась Смерть. Все вздрогнули.

– Я тут краем уха слышала про ваш эксперимент, – прошелестела она. – Только учтите, если рыбка начнёт воскрешать мёртвых, я подам жалобу в Высший Совет. У меня и так работы невпроворот.

– Не начнёт, – заверил Виталий. – Запрет на воскрешение мы ввели жёстко.

– Ну смотрите, – Смерть растворилась в тени.

Хася подула на золотой шарик, плавающий в колбе, и тот засветился, обретая очертания маленькой, изящной рыбки с огромными, чуть ироничными глазами. Чешуя переливалась настоящим золотом, плавники струились, как паутинка.

– Ну, здравствуй, чудо-юдо, – прошептала Хася, заглядывая в глаза творению. – Как тебя назовём? Просто Золотая?

Рыбка моргнула и вдруг открыла рот:

– Можно просто Злата. Или Голди. Но вообще, я сама выберу имя, когда познакомлюсь с людьми. А пока пусть будет Золотая рыбка. Загадочно.

Виталий и Хася переглянулись.

– Характер уже проявляется, – довольно кивнул Виталий. – Отлично.

– Лети на Землю, – Хася погладила рыбку по головке (та довольно вильнула хвостом). – Жди своего часа. Жди своего старика. И помни, – она подмигнула, – как сказал Сам знаешь кто: главное – не корыто, а разговор. И не стесняйся учить их. Они того стоят.

Рыбка моргнула ещё раз, вильнула хвостом и... исчезла. Растворилась в пространстве, чтобы появиться в водах необъятного океана планеты под названием Земля, которая пока даже не подозревала, какой подарок получила от скукающих богов.

– Спасибо за консультацию, дипломник! – крикнула Хася Ленье. – Будешь нужен – позовём.

Ленья улыбнулся и помахал рукой. Ему почему-то было тепло на душе. Может, потому что в этом безумном проекте была и его частица.

А где-то, через много лет, в Болдине, молодой поэт по фамилии Пушкин, глядя на первые снежинки за окном, будет мучиться теми же вопросами: «Кто она, эта золотая рыбка? Где она живёт, когда старик её отпускает? Почему я сам не знаю ответов, а в душе – метания и недосказанность?»

Он напишет сказку, в которой рыбка будет говорить – даже слишком много, по мнению некоторых критиков. Но главное так и останется за кадром: откуда она взялась, эта странная золотая рыба с характером и чувством собственного достоинства? И почему, исполнив желания жадной старухи, она просто уплывает, не читая морали, не объясняя причин?

И не узнает поэт, что его «слишком говорящая» рыбка – это часть великого замысла, запущенного на Совете богов, в лаборатории безумной Хаси и с лёгкой руки демиурга-студента Леньи, который просто хотел сдать экзамен. Что рыбка говорит ровно столько, сколько нужно, чтобы быть услышанной, и молчит о том, о чём люди должны догадаться сами.

Но история на этом не закончится. Однажды эта самая рыбка, уставшая от роли безмолвного (или слишком разговорчивого) чуда, захочет понять людей изнутри. И тогда начнётся самая интересная часть...

Глава 4. О том, как устроена игра

Позже, когда то, что называют люди религией, теряло своих адептов, приходили другие верования – в равенство и братство, в психологию, в магию, в величие сознания человека, а теперь вот в искусственный интеллект. Бог менял аватары, примерял новые личины, умирал и рождался вновь миллиардами человек, и снова игра игралась.

Каждый раз, когда человечество в поисках «истины» забредало в очередные дебри, на небесах собирался совет сценаристов и архитекторов. На повестке снова и опять был тот же вопрос – что таки делать с этим проектом? И всякий раз, после долгих споров, проект оставался в работе, обрастая новыми корректировками и вводными.

Бог недоумевал – как же так? Подсказок, намёков, прямых указаний, пророков, шаманов и иже с ними на Земле несметное множество. Аватары созданы по Его образу и подобию – и это прямым текстом заявлено во всех священных книгах. Тогда что за баг такой? Почему божественная искра, разделившись хоть на миллиард частей, хоть на одну отдельную часть, отделившись от самого Создателя, сгущаясь до материи и прогружаясь в аватара на Земле, напроць забывает, кто она и откуда? И начинается вотэтовотвсё?

А всё потому, что скучно.

Вы когда-нибудь наблюдали за тем, как играет малыш сам с собой в чаепитие? Вот примерно так всё в этом мире и устроено. Вселенский разум, Бог, Создатель – это всего лишь малыш, которому интересно играть. Он создал миры, планеты, разделился на множество персонажей – камни, энергию, звёзды. Создал в конце концов планету Земля с множеством вариаций и форм жизни.

Но каждый раз, помещая частичку разума в одну из форм жизни, сталкивался с феноменом под названием Эго. Как только тело начинало осознавать себя мыслящим, просыпалось эго, которое зачем-то и почему-то считало себя вершиной творения.

Если отключить волю – получается очень классная игра со множеством персонажей и ролей, типа пчелиного улья или муравейника. За этим бесконечно интересно наблюдать, а главное – безопасно. Ни пчёлы, ни муравьи, ни рыбы, ни какое другое создание на Земле, получив каплю разума, не начинает хотеть захватить мир. Они просто живут, воспроизводят себе подобных, выполняют всё чётко, согласно программному обеспечению, задачам и функционалу.

А когда разум помещается в человека, который думает, что он думает, то непременно каждый начинает считать себя вершиной творения, самым главным, и желает подчинить себе подобных, начинает считать, что доступ к знаниям и ресурсам ограничен. А если в каком-то из тел разум осознаёт, что он часть вселенского разума, то иногда доходит до смешного – он ставит под сомнение само существование единого источника, того, что люди называют Богом. И начинается – придумывают время и пространство, пытаются постичь то, что и так постигнуто, управлять из тела аватара всем мирозданием.

Ну как может клетка кожи управлять всем телом? Или как может какой-нибудь герой фильма, когда картина уже снята, смонтирована и идёт в прокате, вдруг во время показа на большом экране, всего лишь осознав себя героем этого кина, изменить сюжет? Сценарий написан, сценарист выбрал актёра, тот выучил текст, отыграл роль, фильм одобрен к прокату, зрителей полный зал. Ну как во время показа отпечаток на плёнке может двигаться и действовать иначе?

Конечно, если увлечься игрой в чаепитие, то самой с собой в какой-то момент становится неинтересно. А когда дать разум и волю всем, кто за столом сидит, то не факт, что мишка, например, пожелает сидеть в этой компании и пить воображаемый чай.

Кроме того, когда миллиарды миллиардов раз игрались разнообразные игры, а прошлые версии и участники этих игр не убирались в коробку, понятно, какой прикольный хаос из всего этого вырос. Хотя нет, иногда убирались – например, динозавры, драконы, гномы, эльфы, гоблины, говорящие животные. Даже людей приходилось сносить почти под ноль. Но потом всё начиналось заново.

И всё это происходит в один момент времени. В начале любого сценария известен финал – в теории. Но только без вмешательства тех, кто думает, что он тоже думает. А это существенно запутывает всё и так давно перепутанное.

Мало того, что в человеческом мозгу постоянно рождаются мысли о том, что неплохо было бы полететь в космос, нырнуть в океанские глубины, зарыться глубоко в землю, – так теперь и вновь возникла идея наделить предметы интеллектом.

Было бы очень здорово, если бы где-то там, на какой-нибудь из звёзд, сидела компания сценаристов, которые сочиняли бы все сценарии и мысли, а бригады ангелов, архангелов, демонов внимательно следили за чётким исполнением сцен, диалогов, да и всей пьесы. Но так, на минуточку, всё это происходит из одного источника и в одно мгновение! Это всё один и тот же малыш, который играет в чаепитие.

И ладно, если этот малыш – добрый карапуз-флегматик, который на место сбежавшего медведя тут же придумал себе весёлого единорога. Но судя по нашему миру и тенденциям, этот малыш – агрессивно-психопатического типа с суицидальными наклонностями. Вероятно, конечно, что где-то рядом его мамочка с подружками за таким же чае– или винопитием. И когда малыш в припадке недовольства игрой разнесёт всё к чертям, она успокоит своего дитяточку, даст конфетку, наведёт порядок в игровой и предложит другую, не менее интересную игру.

На одном из таких совещаний, когда всё было не так уж чтоб катастрофично, но далеко не феерично, идея дать людям магических существ и артефакты была поддержана.

– Религии не сработали, – вздохнул архангел Гавриил, показывая ролик, где шаман в VR-очках танцевал с тотемом «NVIDIA». – Они теперь верят в алгоритмы. Говорят, нейросети – это новое провидение.

– Тогда добавим магию! – встряла богиня Хаосиса, чьи крылья мерцали, как нестабильный Wi-Fi. – Без инструкций. Пусть сами догадываются, как ею пользоваться!

Архангел Михаил, ответственный за апокалипсисы, мрачно хмыкнул:

– В прошлый раз, когда мы запустили драконов, они устроили реалити-шоу «Охота на Гламурного Горыныча».

– Магия будет тонкой, – Бог провёл рукой над голограммой Земли, и в океане засверкала крошечная искорка. – Пусть сами решают: чудо это или галлюцинация. Как в той сказке, что Пушкин когда-нибудь напишет.

– А если они опять всё проигнорируют? – спросил ангел-стажёр, набиравший в небесном чате: «ЛОЛ, чел, рыбка говорящая???».

– Тогда, – Бог улыбнулся, запуская в атмосферу метеорит с надписью «Сюрприз», – добавим драконов.

Так на Земле активировалась магия. Она была тут изначально, просто дремала в ожидании своего часа. Магические существа – представители разных параллельных миров, энергий и структур – получили возможность взаимодействовать с людьми. Инструкций, каких-либо пояснений, мануала к этому никто не догадался написать. Типа опция и так интуитивно понятна.

Как показала практика, зря.

Глава 5. Гурзуфская рыбалка

Как-то ранним октябрьским утром рыбачил дедушка в своё удовольствие на гурзуфском берегу. Красота же: море, пляж, осень, туристы разъехались, тишина – только чайки перекликаются да волны шепчутся с галькой. Солнце ещё не жаркое, но ласковое, воздух прозрачный, горы на горизонте в сиреневой дымке. Благодать.

Старик сидел на валуне, который местные прозвали «пьяным» за его вечный наклон к воде, и смотрел на поплавок. Мысли текли медленно и приятно, как мёд из банки. О том, что внуки обещали приехать на ноябрьские, что бабка его, Арина, опять затеяла какую-то реставрацию с этим своим японским искусством, и что хорошо бы ещё пару таких же солнечных деньков урвать до конца сезона.

Поплавок дёрнулся. Старик лениво подсек и вытащил из воды маленькую рыбку. Она сверкнула на солнце так, что глазам стало больно, – золотая, настоящая золотая, с чешуёй, которая переливалась всеми оттенками драгоценного металла. Красивая, мелкая – в уху не сгодится, а коту отдавать такую красоту ни к чему. Старик улыбнулся, снял рыбку с крючка и уже собрался отпустить обратно в море, как вдруг услышал:

– Дедушка, хоть ты не отпускай меня просто так!

Старик замер, поднёс рыбу к глазам. Та смотрела на него с явным негодованием.

– Я же рыбка не простая, а золотая, – продолжал голос. – Забыл, что ли, что для тебя полагается с меня три желания? Народ пошёл сейчас какой-то забавный – рыбу ловят не ради покусать, а из спортивного интереса, все в наушниках, хоть заговоришь с ними, ничего не слышат. Давай, хоть ты будь человеком – пожелай чего-нибудь, а то я от невостребованности хандрить начинаю.

Будь дед в подпитии, решил бы, что белочка морская накрыла. Но он с этим делом давно завязал, лет двадцать как. Значит, либо реальность окончательно свихнулась, либо...

– Ну что ж, рыба, – сказал он, усаживаясь поудобнее на валуне. – Давай об этом поговорим. Однако я, в смысле желаний, совсем тебе не помощник – всё у меня есть, и всё хорошо. Я всем совершенно доволен – и домом, и бабкой, и жизнью своею.

– Вот ведь! – всплеснула плавниками рыбка. – А давай ты меня бабке своей унесёшь? У женщин всегда есть желания, да и фантазии побольше.

Сказано – сделано. Наполнил старик морской водой пакет, в котором бутерброды принёс, бережно опустил туда рыбку и зашагал к дому. Дорога от пляжа до дома с голубыми ставнями занимала минут пятнадцать, и всё это время рыбка не умолкала – комментировала кипарисы, можжевельник, запах шашлыка из придорожного кафе и качество местной плитки на тротуарах.

– Тише ты, – шикал на неё старик. – Люди же смотрят.

И правда, прохожие оборачивались: пожилой мужчина с удочкой, несущий в пакете разговаривающую рыбу, – зрелище не для слабонервных. Хорошо, что туристов почти не было, а местные привыкли к чудачествам старика.

Дома, на кухне, его встретила Арина. Сидела за столом и задумчиво рассматривала осколки разбитого корыта, разложенные на газете. На ней был фартук с надписью «Namaste», волосы, выкрашенные хной, собраны в небрежный пучок.

– Смотри, дорогулечка, какое чудо я принёс, – торжественно объявил старик, ставя пакет на стол. – Рыбку золотую. Любое желание может исполнить. У меня как-то туго с этим, ничего не желается. Смотрю, у тебя корыто разбилось, печалишься. Не грусти, родная, сейчас рыбке загадаешь – и будет тебе новое корыто.

Арина подняла бровь, дорисованную хной идеальной дугой, заглянула в пакет и... ничего не сказала. Только головой покачала и снова уставилась на осколки.

– Вот же ты славный мой, – наконец произнесла она. – Всю жизнь на тебя удивляюсь – во всём проблему найти хочешь. Корыто не просто так разбилось. Я сейчас древне-японской уникальной техникой восстановления посуды кинцуги занята. Вот корыто разбитое восстанавливаю, но оно на крупные куски развалилось, и полагаю, что трещины эти не просто золотом следует наполнить. А давай-ка, старче, в подвал метнись – вина принеси, чтоб и я с рыбами могла говорить.

С этими словами она взяла пакет у старика, аккуратно перелила воду вместе с рыбкой в стеклянную банку, поставила на стол и села напротив, разглядывая улов.

Старик пожал плечами и отправился в подвал. А рыбка, поняв, что старуха не поверила мужу, сказала погромче, чтоб уж точно дошло:

– А что ты думаешь, что с винишком разговор легче пойдёт?

Арина даже не вздрогнула. Она взяла апельсиновую палочку для маникюра и осторожно потыкала в банку:

– Вино? Да я, рыбонька, трезвенница с пятилетним стажем. Это я старика своего тестирую – если из подвала принесёт бутылку, значит, скрывал запасы. А ты... ты вообще живая? Или нейросеть какая в голограмме?

Рыбка выпучила глаза и заметалась в банке, пуская пузырьки возмущения:

– Ну вот, опять! Все технологии да нейросети... Я ж классика! Волшебство! Ты Пушкина хоть раз в руки брала?

– Пушкина? – Арина хмыкнула. – Это который «Я помню чудное мгновенье»? Нет, милая, я больше по Харуки Мураками. У него, кстати, рыбы часто символы. А ты точно не метафора нереализованных амбиций?

В этот момент вернулся старик – с пустыми руками, потому что подвал оказался завален банками с квашеной капустой и эко-свечами. Услышав последнюю фразу, он расхохотался:

– Гляди-ка, рыбка-то наша философ! Может, ей коуч-сессию провести? За три желания – курс по осознанности?

– Да заткнитесь вы оба! – всплеснула плавниками золотая гостья, отчего вода в банке забурлила. – Я тут из последних сил пытаюсь профессию не терять, а вы... Корыто! Дворец! Мировое господство! Если креативных идей нет, то хоть что-нибудь стандартное пожелайте, чтоб я не чувствовала себя провальным стартапом!

Арина задумчиво склонила голову, и в её глазах блеснул тот самый огонёк, из-за которого когда-то старик тайком сбегал на рыбалку и который до сих пор делал её моложе любых фитоняшеских диет.

– Ладно, – сказала она. – Раз ты настаиваешь. Желание первое: хочу, чтобы все осколки моего корыта превратились в... – она сделала паузу, словно наслаждаясь моментом, – в наночастицы с памятью формы!

– Чего?! – рыбка выпрыгнула из воды, чуть не угодив в чашку с имбирным чаем. – Ты вообще в курсе, что у меня магия на подмену реальности заточена, а не на научпоп?

– Второе желание, – невозмутимо продолжила Арина, собирая волосы в тугий пучок, – чтобы эти частицы самоорганизовались в бионический арт-объект, символизирующий цикличность бытия и тщету материальных устремлений.

Старик, успевший достать чипсы из тайника за диваном, замер с полной пастью:

– Родная, ты чё, курсы арт-терапии пересмотрела?

– Молчи, – отрезала Арина, – а то третьим желанием велю, чтоб ты бегал по утрам.

Рыбка, поблёскивая чешуёй, как перегруженный сервер, зашипела:

– Окей, гугл. Прекращаю поток сознания. Исполняю. Но предупреждаю – арт-объекты из корыт не одобрены межгалактическим СанПиНом!

С треском, достойным инсталляции для современного музея, осколки взлетели в воздух, закружились и сложились в хрупкую сферу, где сквозь позолоту кинцуги мерцали маленькие QR-коды.

– И что это? – старик потыкал в конструкцию чипсом.

– Современное искусство, – с гордостью ответила Арина. – Теперь это стоит миллион. А может, и больше. И вполне даже возможно, что в биткоинах.

Она была крайне довольна результатом, чего нельзя было сказать о рыбке: вода в банке переливалась всеми цветами спектра и пенилась.

– А третье? – спросила рыбка, немного успокоившись. – Какое третье желание будет?

Старик увлечённо поглощал чипсы, мечтая лишь о том, чтобы старуха как можно дольше пребывала в своём блаженно-радостном состоянии.

– Что же, – задумчиво протянула Арина. – Разве есть правило о том, как быстро следует использовать все три желания? Хотя отчего же и не да?

Мечтательно-спокойное состояние, в котором она пребывала, по многолетнему опыту старика не сулило ничего хорошего – по крайней мере для окружающих. Однако он также знал, что и скучно точно не будет.

Рыбка об этом была не в курсе, а потому бесстрашно продолжала провоцировать:

– Оно конечно так, вы можете использовать третье желание в любой другой момент, хоть спустя сотню лет. Но не мне вам рассказывать, в какое нестабильное время мы живём. Кстати, мир во всём мире и вечную жизнь загадывать нельзя.

– Подожди пять секунд, рыба моя, сейчас всё будет, – прервала её Арина. – Сейчас сформулирую.

Старик уселся поудобнее на диване. Рыбка мерно покачивала нежно-розовыми плавниками в ставшей снова прозрачной воде. Ожидание было недолгим.

– Как я понимаю, – начала Арина, – ты, рыбка, создание магическое и действуюешь с согласия высшего разума. Бога или того, что именно управляет всем этим дивным миром. Так?

Это было больше похоже на утверждение, чем на вопрос. Не очень понимая, да и не пытаясь вникнуть, рыбка согласно качнулась.

– Лично я не в курсе, с какой целью, задачей, миссией, по каким принципам вы, рыбки и прочие чудеса, приходите к людям. Сказки я хорошо знаю, и повторять избитый сюжет мне совсем не интересно. А посему желаю я, чтобы ты, рыбка, обрела человеческое тело и прожила человеческую жизнь. Да не в каком-нибудь тёплом, сытом и спокойном месте на этой планете, а тут у нас, в России. Ну, например, пусть ты родишься девочкой где-то на Алтае. И не сейчас, а в годах этак семидесятых, чтоб прям так максимально интересно и весело твоя жизнь человеческая сложилась. Вот такое моё желание.

Рыбка замерла, будто её ударили невидимым гарпуном. Даже вода в банке перестала пузыриться, застыв в немом ужасе.

– Чего-чего?! – наконец выдохнула она, брызгая каплями на фартук. – Я... человеком? В России? Да вы с ума посходили! Я же магический артефакт, а не персонаж сериала!

Арина, не моргнув глазом, достала из кармана блокнот с надписью «Медитации и кето-диета» и начала что-то быстро чертить:

– Родишься в 1972-м. Алтай, село Чемал. Мать – доярка, отец – коммунист. Школа, пионерлагерь, институт... О, и первый муж – алкаш!

– Первый муж?! – рыбка забилась о стекло, словно пытаясь выпрыгнуть в параллельную реальность. – У меня даже рук-ног нет в этой вашей... матрице!

Дед, доевший чипсы, с интересом наблюдал за сценой:

– Родная, а может, ей хоть айфон в колыбельку положить? Чтоб не скучала.

– Не мешай, – отмахнулась Арина. – Тут историческая достоверность важна. Слушай, рыбка: тебе повезёт – в девяностые попадёшь. Чеченская война, дефолт, «Дом-2»... Романтика!

– Романтика?! – золотая гостя закатила глаза. – У вас там в мозгах все нейроны перегорели? Я – воплощение вечной мечты о чуде! Я должна исполнять желания, а не страдать от похмелья в общаге!

Арина вдруг смягчилась, положила руку на банку, как шаман на кристальный шар:

– Именно поэтому. Ты поймёшь, чего они, эти людишки, на самом деле хотят. Не корыта, не дворцы. А просто... перестать бояться, например. Или ещё чего-нибудь. Одним словом, прочувствуй человеческое бытие всей своей чешуёй.

Рыбка замолчала. Даже старик перестал шуршать упаковкой от чипсов, почуяв в воздухе что-то важное.

– Ладно, – прошептала рыбка, и чешуя её потускнела, будто севшая батарейка в детской игрушке. – Но предупреждаю: когда я стану человеком, я напишу мемуары. «Как я была рыбкой и вас всех ненавидела».

Арина улыбнулась, достала из стола советский рубль 1970 года – коллекционную вещь, бережно хранимую для особых случаев:

– Договорились. А теперь... По моему хотению, по рыбьему велению...

Комната наполнилась светом. Ярким, тёплым, пронизывающим всё вокруг. Старик зажмурился, Арина торжественно подняла руки, а рыбка в банке засверкала так, что на мгновение стало больно смотреть.

А когда свет погас, банка была пуста. Только на дне, в лужице воды, поблёскивала одна–единственная золотая чешуйка.

Старик и старуха сидели молча, глядя друг на друга. За окном шумело море, где-то кричали чайки, а в доме пахло пирожками и чем-то ещё – чем-то неуловимым, похожим на начало новой истории.

Глава 6. Женщины: баги или фичи системы?

В зале заседаний Верховного Архитектора воцарилась тишина, которую можно было резать ангельским мечом. На огромном голографическом экране застыл кадр: пустая банка, двое пожилых людей и одна-единственная золотая чешуйка на дне. Никто не решался заговорить первым – слишком чудовищным было осознание случившегося.

Первым нарушил молчание архангел Гавриил, ответственный за чудеса и непредвиденные обстоятельства. Он уронил свиток с надписью «Протокол №777: Вмешательство в магические сценарии» и прошептал:

– Она... она её... очеловечила. В Россию. В семидесятые.

Бог медленно провёл рукой по лицу, и на мгновение его лик принял выражение усталого IT-специалиста, чей гениальный код только что сломался из-за кота, прошедшего по клавиатуре.

– Я... Я же ясно сказал: «Магия – для поддержания интриги, а не для социальных экспериментов!» Кто дал ей право менять точку входа персонажа?

Богиня Хаосиса (Хася) завизжала от восторга, и её кислотные крылья рассыпались на конфетти.

– ОЙ, КАК КРУТО! Это же лучше, чем когда я подсунула тому греческому парню нить Ариадны, а он её в макраме использовал! Рыбка-человек! В СССР! Это же... это же новый жанр! Магический реализм с элементами производственной драмы и дефицита!

Архангел Михаил, обычно невозмутимый, встал, и его доспехи загремели, как пустые кастрюли в советской столовой.

– Всё. Всё, я сказал. Это последняя капля. Коллеги, я ещё на стадии проектирования *Homo Sapiens* предлагал: зачищаем земных женщин сразу. Не вписываем их в сценарий как «виновниц падения», «муз», «хранительниц очага» или «роковых красавиц». Просто... не даём им доступ к магическим артефактам и креативному мышлению. Смотрите, что происходит!

Он взмахнул рукой, и на экране замелькали кадры, от которых даже издававшие виды ангелы поёжились.

– Ева! – Михаил ткнул пальцем в изображение женщины с яблоком. – «Ну я же просто попробовать хотела!» И что? Тысячелетия первородного греха, изгнание из рая, родовые муки. Спасибо, дорогая.

– Елена Прекрасная! – следующий кадр. – «Это всё Парис, он мне комплименты говорил!» А в результате – Троянская война, тысяча кораблей, горы трупов. И всё из-за того, что женщине приятно, когда ей уделяют внимание.

– Клеопатра! – полководец в тоге падает к ногам царицы. – Две величайшие империи древности развалились, потому что ей было скучно. Рим чуть не рухнул, пока она решала, какие носилки ей больше идут.

– Жанна д'Арк! – дева в доспехах верхом на коне. – «Мне голоса сказали!» Ломает всю логику Столетней войны, сжигают на костре, а через пятьсот лет её объявляют святой. Где логика?

– Леди Макбет! – кровавые руки. – «Пятно, проклятое пятно». Довела мужа до ручки, убийство, безумие. И ведь не сама убивала, просто – «ты мужчина или нет»?

– Анна Каренина! – брошенная под поезд. – Роман, который мы все знаем. Влюбилась, бросила семью, трагедия. И ведь умная женщина, читала книжки, а всё туда же.

– А теперь! – Михаил перевёл дух. – Эта... старуха Арина! В фартуке «Namaste»! Отправила золотую рыбку в Россию, в семидесятые, с первым мужем-алкашом! Что это, если не вопиющий саботаж?

Он рухнул на трон, тяжело дыша.

– Они не виновницы! – возмутился ангел-стажёр Арчи, который всё это время лихорадочно строчил в блокноте «1001 способ, как использовать женщин для повышения рейтингов». – Они... агенты хаоса! Драйверы сюжета! Без них ваши «матричные сценарии» – это просто скучные инструкции по сборке шкафа из ИКЕА! Ни тебе страсти, ни интриги, ни внезапных поворотов!

– АГЕНТЫ?! – Гавриил, обычно спокойный, как удав, ударил кулаком по облачному столу так, что из него вылетели все файлы с отчётами о погоде. – Они агенты, как моя левая серафима! Они – баги ходячие! Сбои в системе! Каждая религия, каждая революция, каждая эмансипация – это попытка системы адаптироваться к тому, что они постоянно, постоянно вносят переменные, которые НЕ ПРОСИЛИ!

– А ну-ка поподробнее про переменные, – Хася, до сих пор тихо сидевшая в углу и пускающая мыльные пузыри (сегодня её крылья переливались цветами ультрамарина и фуксии), вдруг оживилась. – Вы всё о плохом. А давайте посмотрим, что эти «баги» дали системе полезного.

Она щёлкнула пальцами, и экран разделился на две части. Слева побежали картинки, справа замелькали имена.

– Мария Склодовская-Кюри, – начала Хася тоном ведущей церемонии. – Две Нобелевские премии. Одна – по физике, другая – по химии. Радиоактивность, полоний, радий. Умерла от лучевой болезни, но науку продвинула так, что до сих пор аукается. Баг? Фича!

– Розалинд Франклин, – продолжила она. – Открыла структуру ДНК. Мужики, Уотсон и Крик, потом получили Нобелевку, а без неё бы сидели и в потолок плевали. Баг, который делает открытия и уходит в тень? Системный сбой?

– Ада Лавлейс, – Хася показала портрет женщины в кринолине. – Первый программист в истории. Написала алгоритм для машины Бэббиджа. В XIX веке! Когда женщины должны были только вышивать крестиком. И что? Теперь у вас есть компьютеры, интернет и котики в ютубе. Спасибо Аде.

– Софья Ковалевская, – следующий слайд. – Математик, профессор Стокгольмского университета. Писала романы и доказывала теоремы. Женщина, которая взломала код «женщина не может быть учёным».

– Хеди Ламарр, – Хася показала голливудскую диву. – Актриса, красавица, секс-символ. А в свободное время изобрела технологию частотного сканирования, без которой не было бы ни Wi-Fi, ни Bluetooth. Вы сейчас свои айфоны в руках держите – спасибо скажите Хеди.

По залу пронёсся лёгкий гул удивления.

– Это всё хорошо, – проворчал Михаил. – Но они – исключения.

– Исключения? – Хася засмеялась. – Да они просто были слишком заняты делом, чтоб орать на каждом углу. А вы посмотрите на то, что женщины изобрели для быта. Для вас, между прочим, чтоб вам жилось комфортнее.

Экран снова мигнул.

– Пылесос, – объявила Хася. – Не мужчина придумал, между прочим. Американка Айрис Гэмбл в 1910-х запатентовала первую портативную модель. До этого ковры выбивали палками на улице. А теперь вы сидите в чистоте и не знаете, кому вам спасибо сказать.

– Кухонный комбайн, – продолжала она. – Француженка Софи Леметр придумала механическую мясорубку в XVI веке. Потом, конечно, доработали, но идея-то женская. Чтоб готовить быстрее и меньше стоять у плиты.

– Стиральная машина, – Хася показала рисунок старинного агрегата. – Первую механическую стиралку придумала американка Маргарет Колвин в 1870-х. До этого женщины полоскали бельё в проруби и стирали руками до мозолей. А теперь кинул в машинку – и свободен.

– Одноразовые подгузники! – следующий слайд. – Марион Донован, 1950–е. Женщина, которая устала стирать пелёнки. Теперь миллионы матерей благословляют её имя, а вы даже не задумываетесь, кому обязаны сухими попами младенцев.

– Посудомоечная машина, – Хася хитро прищурилась. – Джозефина Кокрейн, 1886 год. Заявила: «Если никто не придумает машину, которая моет посуду быстрее меня, я сделаю это сама». И сделала. До сих пор пользуемся.

– И про вибратор не забудь! – крикнул Арчи из угла.

– Ах да, – Хася покраснела (насколько может покраснеть богиня хаоса). – Вибратор. Изобретён в XIX веке как медицинский прибор для лечения «истерии». И да, его активными пользовательницами и заказчицами были женщины. Это отдельная тема, но факт: женщинам нужно было снимать напряжение, и они нашли способ. Теперь это мультимиллиардная индустрия. Тоже вклад в экономику.

– А теперь самое интересное, – Хася сделала паузу. – Искусственный интеллект.

Все замерли.

– Вы думаете, айтишники, эти бородатые гении в свитерах, сами додумались до того, чтобы создать собеседника, который будет слушать, соглашаться, спорить ни о чём, давать советы и не перебивать? – Хася усмехнулась. – Конечно, нет. Это женщины довели их до ручки. Жёны, сёстры, матери, подруги. «Ты меня не слушаешь!», «Ты вечно в своём компьютере!», «С тобой невозможно разговаривать!». И сидели эти гении ночами, и придумывали – как бы сделать так, чтобы женщина была довольна, а их оставили в покое? Или чтоб было с кем поговорить, когда женщины нет рядом?

– Алекса, – продолжила Хася. – Сири. Алиса. Маруся. Все женские имена. Почему? Да потому что мужчины подсознательно создавали идеальную женщину: которая всегда ответит, всегда поможет, никогда не устанет и не будет пилить. ИИ-помощники – это сублимация мужской мечты об удобной женщине. А сами женщины эту мечту и спровоцировали.

– Про ChatGPT забыла, – подал голос Ленья, который всё это время сидел в уголке и слушал, разинув рот.

– Точно! – подхватила Хася. – ChatGPT – это же идеальный собеседник для тех, кому не с кем поговорить. Ты ему – стихи, он тебе – рифму. Ты ему – проблемы, он – решения. А кто больше всех нуждается в разговорах? Женщины. Кто больше всех пользуется этими сервисами, чтобы скоротать вечер? Женщины. Кто вдохновил на создание? Опять они.

Бог, до сих пор молчавший, медленно поднял руку. Все замолчали.

– Знаете что, – произнёс он задумчиво. – А ведь если посмотреть на это с точки зрения системного анализа, женщины действительно являются не багами, а фичами. Это не сбои, а встроенные механизмы непредсказуемости. Без них мир был бы слишком линейным, слишком предсказуемым. Слишком... скучным.

– Скучным? – переспросил Михаил. – Из-за них войны, катастрофы, кризисы!

– И из-за них же – открытия, изобретения, искусство, – парировал Бог. – Вы посмотрите, сколько великих произведений написано про женщин. Сколько стихов, песен, романов, фильмов. Если убрать женщин, от культуры останется только документалка про стройку газопровода.

– И еще про рыбалку, – хихикнул Арчи.

– И про рыбалку, – согласился Бог. – Но это же скучно. А так – трагедии, комедии, драмы, триллеры. Весь этот кинофестиваль, который мы с вами наблюдаем, держится на женщинах. На их непредсказуемости, на их эмоциях, на их способности вносить хаос в стройные мужские планы.

– То есть вы предлагаете их не зачищать? – уточнил Гавриил.

– Нет, – твёрдо сказал Бог. – Зачищать мы никого не будем. Тем более что поздно. Они уже размножились до семи миллиардов. Но главное – они делают игру интересной. И эту кон-

кретную игру, с нашей золотой рыбкой, мы теперь будем наблюдать с особенным вниманием. Потому что если уж женщина взялась за магический артефакт, то последствия будут непредсказуемы. А это, господа, и есть самое ценное в нашем проекте.

– Тогда нам нужно подобрать ей правильное окружение, – вмешался Леня. – Не просто семью, а корни. Чтоб было на что опереться. Чтоб она не потерялась в этом советском эксперименте.

– Умная мысль, – одобрил Архонт. – Займись.

Леня развернул голограмму Алтая и начал копаться в архивах родов. Через несколько минут на экране высветились две женские фигуры – пожилые, крепкие, с такими лицами, глядя на которые сразу понимаешь: этих не сломаешь.

– Знакомьтесь, – сказал Леня. – Прабабушки нашей рыбки. По отцовской линии.

Первая – Евдокия Петровна, по мужу княгиня Оболенская. В девичестве – графиня Шереметева. Фрейлина императорского двора, выпускница Смольного института благородных девиц. После революции чудом спаслась, в 1937-м её мужа расстреляли «за участие в контрреволюционной монархической организации», а её с детьми выслали на Алтай – подальше от столиц, поближе к смерти. Но она выжила. Более того – сохранила иконы, старые фотографии и память о том, что «мы не было, мы русская аристократия».

– Она ведьма? – спросила Хася, вглядываясь в изображение.

– Потомственная, – кивнул Леня. – Её бабка зналась с Распутиным, но вовремя отошла в сторону. Евдокия умеет лечить травами, заговаривать зубы и предсказывать погоду по полёту птиц. Дар передался по женской линии. Но она ярая монархистка и тщательно это скрывает. В сельском клубе, когда показывают фильмы про Ленина, она сидит с каменным лицом, а дома молится за Николая Второго.

– Отлично, – потёр руки Арчи. – Духовный стержень, связь с прошлым, магические способности. Ребёнку пригодится.

– А это вторая, – Леня переключил картинку. – Анфиса Степановна, по мужу – Петрова. Из семьи преподавателей Смольного института, её мать учила благородных девиц этикету. Сама Анфиса в юности была комсомолкой, верила в светлое будущее, а потом увидела, как это будущее строится на костях.

– За большевиков? – уточнил Гавриил.

– Сложная история, – вздохнул Леня. – Она считает, что вожди хотели как лучше – чтоб не было бедных, чтоб все равны. А исполнители-подлюки, пролетарии голожопые всё исковеркали. Поэтому теперь у нас не стало не только бедных, но и богатых. Одни середняки.

– И чем она занимается? – спросила Хася.

– Спекуляцией, – Леня развёл руками. – Из мести Советам. Возит картошку из Барнаула в Ташкент, продаёт на рынке, а обратно везёт калоши. В Барнауле калоши – дикий дефицит, потому что калошный завод только в Ташкенте. А для неё калоши – ещё и память о Питере, о дождях, о Неве. Она из преподавательской семьи, которая в Смольном воспитывала благородных девиц, и теперь она возит калоши в мешках. Но делает это с таким достоинством, будто торгует бриллиантами.

– Это гениально, – восхитилась Хася. – Две старухи, одна – монархистка-ведьма, вторая – обиженная на Советскую власть спекулянтка с питерскими корнями. И обе – бывшие смолянки. Что может пойти не так?

– Всё, – мрачно сказал Михаил. – Всё может пойти не так. Именно поэтому они идеальны.

– С такими прабабками наша рыбка не пропадёт, – подытожил Леня. – У неё будет твёрдая почва под ногами. И житейская мудрость из двух совершенно разных источников.

Глава 7. Сборная солянка по спасению рыбки, или Как гении перестарались

– Так, аврал! – голос Хаси разрезал тишину небесной канцелярии, как нож сквозь масло.
– У нас ЧП! Магический артефакт не санкционировано превращён в человека, отправлен в СССР, и теперь ему нужно обеспечить сценарий жизни. Кто у нас отвечает за сценарии?

Гавриил зашуршал свитками:

– Ну... вообще-то у каждого человека есть своя сценарная группа. Но тут случай особый. Тут нужны профи высшего уровня. Те, кто понимает в трагедиях, комедиях, драмах и абсурде.

– Вызывай всех! – скомандовал Архонт. – Кого найдёшь. Живо!

Через несколько минут в зале начали материализовываться смутные силуэты. Они появлялись неохотно, с явным недовольством, отряхиваясь от небесной пыли и поправляя нимбы, которые у многих были надеты набекрень.

Первым явился Софокл. Великий трагик был явно не в духе: его хитон был помят, а в бороде застрял лавровый лист.

– Вы что, совсем охренели? – проворчал он вместо приветствия. – У меня там симпозион в самом разгаре! Платон речь толкает, Аристофан комедии травит, а вы меня выдёргиваете!

– Дело галактической важности, – сухо сказал Гавриил. – Ваш опыт нужен.

Следом материализовался Данте Алигьери. Вид у него был такой, будто он только что выбрался из девятого круга и очень хотел бы туда вернуться – там было спокойнее.

– Что стряслось? – осведомился он, поправляя венки из лавра. – Кого отправляем в ад?

– Пока никого, – ответил Гавриил. – Но не исключено.

Один за другим в зале появлялись великие. Оскар Уайльд пришёл в бархатном пиджаке с цветком в петлице и тут же потребовал шампанского. Гоголь нервно озирался и бормотал что-то про носы. Чехов тяжело вздохнул и сел в угол с видом человека, который всё давно предвидел, но его никто не слушал. Раневская, появившись, немедленно потребовала налить и ей – «ради бога, я же женщина, и вообще, где тут у вас можно курить?»

– Добавьте сюда прораба Петровича, – вдруг вспомнил Арчи. – Мы же его вызывали?

– Точно! – Леня хлопнул себя по лбу. – Пётр Кузьмич Петров, прораб с сорокалетним стажем. Работал на стройках от Магадана до Калининграда. Знает, как из говна и палок построить дом, который простоит сто лет. У него характер – кремь. И при этом он добряк, каких поискать.

– Зачем он? – удивился Гавриил.

– Затем, что нашей рыбке понадобится структура, – объяснил Леня. – Твёрдость. Умение выживать в российской глубинке. Петрович будет её внутренним голосом, который в любой критической ситуации будет говорить: «Не ной, бери лопату и копай. Или молоток и забивай. Или просто перетерпи, авось рассосётся». Это бесценно.

– А Наполеон? – Хася заглянула в свои записи. – Мы же собирались пригласить Бонапарта?

– Уже здесь, – раздался голос из темноты.

Из тени вышел невысокий человек в треуголке, заложив руку за борт сюртука. Наполеон Бонапарт выглядел так, будто только что проиграл очередное сражение, но уже строил планы на реванш.

– Я слышал, у вас тут захват мира планируется? – осведомился он. – Без меня не начинайте.

– Не захват, а жизнь, – поправил Леня. – Жизнь одной женщины. Но с элементами грандиозных планов.

– Это я люблю, – оживился Наполеон. – Пусть она мечтает о мировом господстве. Пусть пока санитары дремлют, она будет строить планы, как перековать карту Европы. Или хотя бы свою собственную жизнь. Это даст ей драйв, амбиции, желание быть первой. Без этого какая женщина?

– Согласна, – кивнула Хася. – Добавляем Наполеона в свиток судьбы.

– Дамы и господа, – начал Архонт, когда шум немного утих. – У нас проблема. Золотая рыбка, магический артефакт, по воле одной земной женщины стала человеком. Девочка родится на Алтае в 1972 году. Ей предстоит прожить человеческую жизнь. Но поскольку она не просто человек, а бывшее чудо, нам нужно разработать для неё особый сценарий. Чтобы жизнь была... ну, вы понимаете...

– Чтобы была интересной, – подхватил Тарантино, который материализовался последним, с неизменной сигаретой в зубах (ангелы попытались её потушить, но он ловко увернулся).

– Чтобы было мясо, диалоги, неожиданные повороты. Я берусь!

– Минуточку, – вмешался Звягинцев, появляясь из тени с видом человека, который только что похоронил всех родственников. – Здесь нужна глубина. Трагедия. Медленное угасание. Виды на море. Три часа хронометража.

– Море будет, – успокоил его Гавриил. – Она же рыбка.

– А мне кажется, нужна комедия положений, – встрял Гайдай. – Чтоб она всё время вляпывалась в истории. Чтоб мужчины за ней бегали, а она от них. Чтоб соседи, работа, очередь за колбасой – и везде смешно.

– И космос! – неожиданно выкрикнул Шипенко. – Обязательно космос! Пусть она выйдет замуж за космонавта или сама полетит. У нас ещё никто из рыбок в космосе не был.

– А давайте соединим всё сразу, – предложил Уайльд, грациозно развалившись на облачном диване. – Пусть она будет красива, трагична, смешна, летит в космос, а в финале умрёт от разбитого сердца под аккомпанемент остроумных диалогов. Это же гениально!

– Вы все с ума сошли, – подал голос Ленья, который до сих пор скромно сидел в углу и пытался записывать. – Вы хоть понимаете, что на Земле всё идёт не по плану? Что женщины вообще непредсказуемы? Что эта конкретная женщина, которая была рыбой, будет всё время искать море, но не понимать, почему? Что она будет метаться между «я великая» и «я никто»?

– О! – оживился Достоевский, материализовавшийся незаметно для всех. – Это же мой профиль! Расколота душа, поиск смысла, страдание как путь к истине. Я напишу ей внутренние монологи на сто страниц.

– Только без надрыва, – поморщился Чехов. – Надо с достоинством. Пусть страдает, но с иронией. Как вишнёвый сад – и грустно, и смешно.

Ленья попытался вставить ещё слово, но его перебил бурный спор: каждый гений предлагал свой вариант сценария, и варианты эти были настолько полярны, что голова шла кругом.

– Стоп! – рявкнул Архонт, и гром прокатился по залу. – Вы сейчас перессоритесь, а девочка родится через час. Нам нужно конкретное решение.

– А давайте мы не будем писать один сценарий, – предложил вдруг Ленья. – Мы же не можем предсказать, как она сама будет реагировать. Может, лучше дать ей... команду поддержки? Тех, кто будет рядом в трудную минуту. Ангелов-хранителей.

– Ангелов? – переспросил Гавриил. – У них и так полный штат. Но тут случай особый. Нужны самые опытные, самые матёрые. Те, кто работал с трудными душами.

– Вызывайте резерв, – кивнул Архонт.

Через минуту в зале появились трое. На вид это были обычные ангелы, но с таким количеством звёзд на нимбах, что глаза слепило.

– Ангел-хранитель первого класса Мефодий, – представился один. – Специализация: поэты и самоубийцы. Работал с Есениным, Цветаевой, Маяковским. Не всех спас, но старался.

– Ангел–хранитель высшего ранга Серафима, – кивнула вторая. – Женская душа, матери–одиночки, жёны декабристов, медсёстры на войне. Знаю всё о женской доле.

– Ангел–хранитель экстра–класса Вениамин, – отпартовал третий. – Творческие личности, учёные, изобретатели. Работал с Коперником, Ломоносовым, Циолковским. Привык к нестандартному мышлению.

– Этого достаточно, – решил Гавриил. – Но нужен ещё один элемент. Фортуна.

В зале повеяло ветром перемен. Из ниоткуда возникло мерцающее сияние, и перед собравшимися предстала она – Госпожа Удача. Но не одна, а сразу в нескольких ипостасях, которые накладывались друг на друга, создавая многомерный образ.

– Тихе, – представилась греческая версия, с рогом изобилия. – Приношу неожиданные подарки.

– Фортуна, – кивнула римская, с повязкой на глазах. – Слепа, но справедлива.

– Лакшми, – улыбнулась индийская, в золотом сари. – Дарую процветание тем, кто его заслуживает.

– Эбису, – появился японский бог с удочкой (тут все присутствующие нервно переглянулись). – Бог удачи рыбаков и торговцев. А заодно и рыб. Моё присутствие здесь не случайно.

– О, это хорошо, – оживилась Хася. – Символично. Рыбка, удочка, Эбису. Пусть будет в команде.

– Я не могу быть всё время рядом, – предупредила Фортуна–Тихе–Лакшми–Эбису. – Я прихожу случайно. Но если она будет готова, я замечу.

– Договорились, – кивнул Архонт. – А теперь, господа великие, давайте–ка выпьем за успех нашего мероприятия и разойдёмся. Девочка вот–вот родится.

– Погодите! – воскликнул Леня. – Вы забыли про дату! У нас же есть точное время. Она родится тридцать первого октября. Тысяча девятьсот семьдесят второго года.

– О! – хором выдохнули астрологи, до сих пор молча сидевшие в углу.

– Год Водяной Крысы, – начал один. – Крыса – водяной знак, активный, изворотливый, умный. А вода – это её родная стихия. Будет чувствовать себя в мире людей... как рыба в воде? Почти.

– Солнце в Скорпионе, – продолжил другой. – Водный знак, глубокий, страстный, таинственный. Будет всё время искать истину, копаться в себе, умирать и возрождаться. Идеально для бывшей рыбы.

– А Луна во Льве! – воскликнул третий. – Женская суть в огненном знаке! Она будет помнить про свою воду и золото, а на деле получится огненная вода! Это ж гремучая смесь! Внешне – вода, спокойствие, глубина, а внутри – огонь, страсть, желание быть в центре внимания. Она будет то хотеть раствориться в толпе, то требовать, чтоб её носили на руках.

– Идеальный парадокс, – подытожил Архонт. – Именно то, что нужно. Пусть живёт и радуется этим противоречиям. А мы посмотрим.

Он повернулся к Леню:

– Ты, дипломник, будешь главным наблюдателем. Твоя планета, твоя рыбка, твои женщины. Смотри, учись, записывай. Потом диссертацию напишешь – «Феномен непредсказуемости в женских судьбах на примере золотой рыбки».

– А премию мне дадут? – робко спросил Леня.

– Если выживешь, – усмехнулась Хася.

– Так, господа, – Архонт поднялся с трона. – Время поджигает. До рождения ребёнка осталось меньше часа по земным меркам. Нужно срочно формировать сценарий.

– А давайте как в том письме, – предложил Арчи. – Помните, земной писатель придумал историю про дядю Фёдора? Там все персонажи по очереди писали письмо родителям, а потом почтальон уносил, не глядя.

– Гениально! – воскликнула Хася. – Каждый из присутствующих впишет в судьбу то, что считает важным. А потом без редактуры – в жизнь!

На середине зала материализовался огромный свиток – не бумажный, а какой-то мерцающий, сотканный из чистого потенциала. Рядом возникло перо, которое светилось ярче любой звезды.

– Кто первый? – спросил Архонт.

– Я! – Софокл выхватил перо и начал быстро писать. – Пусть в её жизни будет трагедия. Настоящая, греческая. Чтоб страдала красиво, чтоб рыдала над своей судьбой, чтоб зрители плакали в зале. Но чтоб в финале – катарсис! Очищение!

Он дописал, отдал перо и исчез в облаке дыма – видимо, вернулся на симпозион.

– Теперь я, – Данте выхватил перо. – Добавлю ей кругов ада. Пусть пройдёт через все девять, но в конце увидит рай. Чистилище, правда, тоже будет, без него никуда. Но главное – чтоб знала: страдания временны, а любовь вечна.

– Про любовь я сама, – перебила Сапфо, появляясь ниоткуда. – Пусть любит женщин. И мужчин тоже. Пусть любит всех, кто достоин. Пусть пишет стихи о любви и сжигает их на рассвете.

Она быстро нацарапала несколько строк и исчезла.

– Комедию! – Гайдай вырвал перо у следующего. – Пусть она влипает в истории. Пусть мужчины за ней бегают, а она от них. Пусть потеряет туфельку на лестнице, перепутает чемоданы в поезде, выйдет не в ту дверь и попадёт в чужую квартиру. И чтоб везде было смешно!

– Драму, – Чехов взял перо и вздохнул. – Пусть всё будет с достоинством. Пусть страдает, но с иронией. Пусть живёт в доме с мезонином и смотрит, как сад вырубают. Пусть плачет, но чтоб никто не видел.

– Саспенс! – Хичкок выхватил перо. – Пусть боится. Пусть ей будет страшно. Пусть за ней кто-то следит. Пусть она подозревает всех. И пусть в конце окажется, что бояться было нечего, но она уже поседела.

– Космос! – Шипенко. – Обязательно космос! Пусть выйдет замуж за космонавта. Или сама полетит. Или просто будет смотреть на звёзды и думать, что там, наверху, кто-то есть.

– Диалоги! – Тарантино. – Пусть говорит много и смачно. Пусть её фразы разбирают на цитаты. Пусть в самых критических моментах она шутит, а в самых смешных – говорит о смерти.

– Страдание как путь к истине, – Достоевский. – Пусть ищет смысл. Пусть мучается вопросами «кто виноват» и «что делать». Пусть находит ответы и снова их теряет. Пусть её душа будет полем битвы добра со злом.

– Житейскую мудрость, – вдруг раздался хриплый голос. Из темноты выступил прораб Петрович, в рабочей робе, с неизменной папиросой в зубах. – Дай-ка сюда перо.

Он коряво вывел:

«Запомни, девка: в жизни главное – не ссы. Ну, то есть бояться можно, но делай. Крыша течёт – чини. Мужик дурак – гони. Денег нет – работай. И чтоб угол свой был. И чтоб инструмент под рукой. А остальное приложится».

– И подпись поставь, – хихикнула Хася.

– «Петрович, прораб», – дописал тот и исчез.

– Моя очередь, – Наполеон взял перо. – Пусть она мечтает. Пусть её мечты будут грандиознее, чем возможности. Пусть планирует захват мира, пока варит борщ. Пусть в её голове всегда будет карта – географическая или жизненная, неважно. Пусть она знает: если не ты строишь свою империю, кто-то другой построит тебя в свою.

Он дописал и отдал перо.

– Про женщин забыли, – вмешалась вдруг Раневская. – Пусть будет остроумной. Пусть её фразы цитируют. Пусть в старости она скажет что-нибудь такое, что внуки запишут в блокнот.

Например: «Если женщина говорит мужчине, что он гений, она подразумевает, что он идиот, но её это устраивает».

Она дописала и исчезла, напоследок потребовав налить.

Ленья и Хася с ужасом и восторгом наблюдали за этим хаосом. Каждый гений хватал перо, вписывал что-то своё, исчезал, и на его место тут же появлялся следующий. Свиток покрывался строками так быстро, что глаза разбегались.

– Мы не успеем это прочитать! – в панике закричал Ленья. – Там уже сто страниц! А они всё пишут и пишут!

– А кто читать-то будет? – философски заметила Хася. – Она сама будет. Всю жизнь. Каждый день понемножку.

– Но там же могут быть противоречия! Там Достоевский с Гайдаем поспорят! Там Наполеон с Петровичем!

– Тем интереснее, – усмехнулась Хася. – Жизнь и есть противоречие. Пусть разбирается.

Последним взял перо сам Архонт. Он дописал всего несколько слов, но те засветились особенно ярко:

«Пусть помнит: она не просто человек. Она – чудо. И пусть это знание не мучает её, а даёт силы».

– Время, – сказал Гавриил, глядя на часы. – Ребёнок сейчас родится. Нужно отправлять.

– А прочитать? – жалобно спросил Ленья. – Хотя бы мельком?

– Некогда, – отрезала Хася. – Свиток – в душу! Живо!

Свиток свернулся в светящийся шар и исчез в направлении Земли. А в родильном отделении районной больницы села Чемал в этот момент раздался первый крик новорождённой.

– Успели, – выдохнул Ленья.

– Или не успели, – задумчиво сказала Хася. – Мы же не знаем, что там понаписали. Может, она сейчас родилась с комплексом Наполеона и страхом высоты одновременно.

– И с указанием, что крышу надо чинить самой, – добавил Арчи.

– И с любовью к космосу, – хихикнула Хася.

– И с трагедией по графику на среду, – вздохнул Гавриил.

– Боги, что же мы наделали, – простонал Ленья.

– Ничего, – вдруг тихо сказал Бог. – Мы дали ей шанс. Самый лучший из возможных. Мы дали ей не один сценарий, а миллион. Пусть выбирает сама. Пусть живёт. Пусть мучается и радуется. Пусть падает и встаёт. Пусть строит свою империю и чинит свою крышу. Пусть любит, страдает, смеётся, плачет, мечтает. Пусть ищет смысл и не находит, а если найдёт – пусть ищет дальше.

– И главное, – добавила Хася, – пусть она во всём этом найдёт наслаждение. Не просто счастье, а именно наслаждение – от каждого прожитого дня, от каждой глупости, от каждой победы, от каждого поражения. Потому что она – рыбка. А рыбки умеют радоваться воде. Пусть и она радуется своей жизни – какой бы та ни была.

– Пусть не мучается, – кивнул Архонт. – А если будет мучиться – пусть знает, что это временно. И что за этим будет что-то ещё.

А на Земле, в алтайском селе Чемал, 31 октября 1972 года, в два часа ночи по местному времени, в родильном отделении районной больницы раздался крик. Кричала новорождённая девочка – громко, требовательно, будто хотела сказать: «Я здесь! Я справилась! Я готова к этой безумной жизни!»

Молодая мать, усталая и счастливая, прижала дочку к груди. Она ещё не знала, что держит в руках не просто младенца, а золотую рыбку, которой предстоит прожить человеческую жизнь. Что за ней будут наблюдать с небес, что её сценарий писали величайшие умы челове-

чества, перебравшие нектар, и что рядом с ней всегда будут трое ангелов и капризная госпожа Удача.

– Изольда, – прошептала мать, глядя в мокрые, уже что-то понимающие глаза дочери. – Красивое имя. Редкое. Будешь у меня особенной.

За окном падал первый снег. Где-то далеко шумело море, которого девочка никогда не видела, но которое будет сниться ей всю жизнь. А на небесах, в зале заседаний, боги и гении подняли бокалы (кто с нектаром, кто с чем) за начало новой истории.

– За Изольду! – провозгласила Хася. – За золотую рыбку, которая вдруг стала человеком!

– За тех, кто не вписывается в матрицу! – добавил Леня.

– За женщин! – улыбнулся Бог. – Потому что без них было бы просто неинтересно.

За окнами небесной канцелярии занимался рассвет. Где-то далеко, на Алтае, маленькая девочка с глазами, полными удивления, впервые увидела этот мир. А на столе в гурзуфском доме с голубыми ставнями пустая банка тихо поблёскивала на солнце, и на дне её лежала одна-единственная золотая чешуйка.

А старуха тем временем поставила банку на полку, между учебником по йоге и справочником садовода. «Интересно, – подумала она, – а если попросить щуку сделать то же самое? Только отправить её... ну, скажем, в девяностые, в Москву. И чтобы она стала олигархом».

Она улыбнулась своим мыслям и пошла варить кофе. Где-то на небесах снова задрожали фундаменты, но кто ж на это обращает внимание, когда на плите закипает вода, а за окном такое синее-синее море.

Глава 8. Рождение и первые глюки

(1972–1975, младенчество и раннее детство)

1. Выход из воды

Тридцать первое октября 1972 года, два часа ночи по местному времени. Родильное отделение Чемальской районной больницы. За окнами – темень, горы, первая пороша. Внутри – яркий свет, запах хлорки и металла, и крик. Этот крик разрывал ночь уже пятый час, и акушерка, пожилая женщина с лицом, изрезанным морщинами, как кора старой сосны, уже начала тревожно переглядываться с врачом.

– Ну, давай же, милая, давай! – врач, немолодой уже мужчина с усталыми глазами, пытался говорить бодро, но в голосе проскальзывала та особая, профессиональная тревога, которая бывает лишь у тех, кто слишком хорошо знает, чем может закончиться затянувшееся ягодичное предлежание.

Молодая женщина на кровати – ей было всего двадцать два, и это были её первые роды – уже не кричала, а только тихо стонала, и пот заливал ей глаза. Она была дояркой, женой передовика-комсомольца, и в её мире всё должно было идти по плану. Но ребёнок, которого она носила девять месяцев, планов не признавал.

Девочка пошла попой вперёд. Ягодичное предлежание, как потом напишут в карте. Потом родственники будут шутить: «Вся в себя – всегда через задницу, но с достоинством». Потом будут другие шутки, страшные и смешные одновременно, но это всё было потом, а сейчас – сейчас врач уже готовился к худшему.

И вдруг – тишина. Не та тишина, что бывает между схватками, а другая, глубокая, почти звенящая. А потом – крик. Но кричал не ребёнок. Кричал врач.

Девочка вышла в пузырь. В рубашке. Это значило – родилась в плодном пузыре, не разорвавшемся, целёхоньком. Такие дети, говорят, счастливые. Или отмеченные. Или просто везучие. Или всё сразу, а сверху ещё что-то, чего никто не мог тогда объяснить.

Пуповина обвита вокруг шеи дважды. Два полных оборота. Удавка, которая должна была задушить ещё в утробе. Но не задушила. Почему? Да кто ж знает.

Врач, принимавший роды, замер. Он работал в Чемале больше двадцати лет и видел всякое. Но такого не видел. Когда ребёнок наконец появился на свет – синий, молчаливый, в пузыре, с пуповиной на шее – он замер, не в силах поверить тому, что видел.

– Господи, – прошептал он. – Да она же... она живая!

Он разрывает пузырь. Девочка делает первый вдох. И открывает глаза.

Врач смотрит в эти глаза и чувствует, как у него холодеет спина. Потом он скажет акушерке: «Ты знаешь, я за всю жизнь таких глаз не видел. Она смотрела на меня так, будто... будто она всё понимает. Будто она уже жила. И не раз. И будто она сейчас решает, стоит ли здесь оставаться».

А девочка смотрит. Ей больно, страшно, мокро, холодно. Слишком сухо, слишком громко, слишком тесно. Тело – чужое, неудобное, будто кто-то огромный попытался втиснуться в горошину и застрял в ней намертво. Внутри всё сжато, стиснуто, и дышать трудно не потому, что пуповина душила, а потому, что сам воздух здесь – не тот. Не вода. Не свобода.

Но главное – не это. Главное – она всё понимает. Она смотрит на этого дядьку в белом, на его испуганное лицо, на акушерку, которая крестится в углу, и знает – знает! – что они чувствуют. Их страх, их удивление, их растерянность – всё это входит в неё, как вода входит в губку, и она не может это остановить. Она чувствует боль матери, тревогу врача, даже тусклое, застарелое горе акушерки, которая два года назад похоронила мужа, – всё это льётся в неё, заполняет до краёв, и нет этому ни конца, ни края.

– Где вода? – хочет спросить она. Но вместо слов выходит только крик. И она кричит – не от боли, не от страха, а от этой невозможной, невыносимой переполненности чужими чувствами, с которыми она ещё не умеет обращаться.

– Девочка жива, это просто чудо какое-то! – врач наконец выдыхает. – А глазища-то какие! Ну всё, мужикам пиздец!

Акушерка продолжает креститься. Она ещё не знает, что это пророчество сбудется много раз. А девочка, уставшая от всего этого, наконец закрывает глаза и засыпает. И ей снится море.

2. Первая память

Она помнит себя с самых первых минут. И даже чуть раньше.

Помнит тесноту, тепло, темноту и ритмичный стук – тук-тук-тук, тук-тук-тук. Помнит, как этот стук вдруг участился, как стены сжались, как её потащило куда-то, где было больно и страшно. Помнит, как что-то давило на шею, перекрывая то, что заменяло ей воздух. Помнит голоса – приглушённые, взволнованные, а потом один, громкий, отчётливый: «Ну, давай же, дура, рожай! Ребёнок, наверное, уже помер, пока ты телишься!»

Потом – вспышка света, холод, чьи-то руки, и этот дядька с усами, который смотрит на неё с таким удивлением, будто она не ребёнок, а инопланетянин.

Ну да, она и есть инопланетянин. В некотором роде.

И ещё она помнит, как подумала тогда: «Господи, как же здесь мерзко, сухо и чужо. Где море? Где моя вода? Я хочу обратно». И одновременно – странное, необъяснимое чувство, что всё происходящее – не совсем реальность, а скорее пьеса, в которую её зачем-то впили, забыв предупредить. Она не знает правил, не помнит, кто она и зачем, но точно знает: это всё – не её. Её – другое. Только вот какое?

Она плачет. Но не от боли, не от страха – от тоски. По той, другой стихии. Которая осталась там, далеко, в другой реальности. И от странного, почти физического ощущения, что её сжали. Сплющили. Запили в форму, которая не подходит по размеру, и теперь эта форма будет расти вместе с ней, но чувство тесноты изнутри не исчезнет никогда.

Никто этого не понимает. Все думают – орёт, мол, нормально, все орут.

А девочка орёт потому, что ей тесно, душно, и она не знает, как избавиться от этой тесноты. И потому, что она чувствует, как мать, уставшая и обессиленная, проваливается в сон, и в этом сне – ни радости, ни покоя, а только глухая, безысходная усталость, которая теперь будет всегда рядом.

3. Глюки системы

Первые месяцы – сплошное недоумение. Тело не слушается. Оно хочет есть, хотя еда – это мерзко. Не потому, что еда плохая, а потому, что она – не вода. Вода – вот что нужно. Вода – это свобода, это простор, это дом, которого она не помнит, но по которому тоскует каждой клеткой.

Особенно тяжело даются купания. Мать опускает её в ванночку с тёплой водой, и девочка замирает. Не дышит. Ждёт. А вдруг это оно? Вдруг сейчас она почувствует тот самый вкус, ту самую свободу? Но вода пресная, безвкусная, мёртвая. И тогда она начинает кричать – сначала тихо, потом заходится в плаче, и мать в панике вытаскивает её, кутает в полотенце и шепчет: «Ну что ты, что ты, маленькая? Вода же тёплая, хорошая...» А девочка не может объяснить, что вода – не та. Не солёная, не живая. Что ей нужно не это.

Но хуже всего другое. Она чувствует всё. Каждую эмоцию, каждую вспышку раздражения, каждую волну страха, которые проходят через людей вокруг неё. Мать тревожится – и девочка кричит, потому что тревога матери заполняет её целиком, выдавливая всё остальное. Отец приходит с работы уставший и злой – и девочка затихает, съёживается, хотя никто её не трогал. Соседка плачет за стеной – и девочка плачет вместе с ней, не зная, почему. У неё ещё нет фильтров, нет защиты. Она – открытый канал, в который вливается всё подряд, и это слишком, слишком, слишком для крошечного человеческого тела.

Мать не понимает, что происходит. Врачи разводят руками: «Здоровый ребёнок. Нервный только. Бывает».

А это не нервы. Это эмпатия такой силы, которую человеческое тело не рассчитано выдерживать.

Зато сны – другое дело. Во сне она возвращается. Море шумит, волны качают, солнце пронизывает толщу воды золотыми лучами. Она плывёт, легко, свободно, и всё вокруг – своё, родное, настоящее. И там, во сне, она не чувствует чужих эмоций. Там только она и вода.

Просыпается с улыбкой. Мать смотрит – ребёнок улыбается во сне. Чудно.

Девочка вообще улыбчивая. Радуетя всему: солнечному зайчику на стене, ложке, игрушке, лицу склонившейся матери. Она любознательная, лезет всюду, всё хватает, всё исследует. В семь месяцев начинает ходить, держась за стенку. В восемь – говорит первые слова.

– На, – говорит, протягивая погремушку. – Дай.

– Мама, – учит её мать. – Скажи «мама».

– Мама, – повторяет девочка. И тут же: – Папа. Баба. Дай. На. Хуй.

Мать застывает.

– Что?!

– Хуй, – отчётливо произносит восьмимесячный ребёнок. И смеётся.

Откуда? Кто научил? В доме не матерятся, все интеллигентные, даже бывшие ссыльные держат язык за зубами. Но откуда-то оно взялось. И будет всплывать периодически, к месту и не к месту, вызывая шок у окружающих и ржач у прабабок.

4. Часы

В доме у прабабки Евдокии висят старинные часы с боем. Массивные, с маятником, с гириями, с циферблатом, на котором римские цифры. Часы достались ещё от прадеда, который вывез их из Петербурга, спасая от революционных матросов. Каждый час они играют мелодию – негромко, но отчётливо. Бим-бом, бим-бом.

Когда девочке впервые дают послушать этот бой, она замирает. Глаза расширяются, рот приоткрывается, она вся превращается в слух. Потому что этот звук – не просто звон. Он что-то будит в ней, что-то древнее, забытое, но до боли знакомое. Этот колокольный, тягучий, глубокий звук говорит ей о том, о чём она не может сказать словами. О рынде. О корабельном колоколе, который отбивает склянки. О том мире, где она была раньше – в той, другой жизни, которую она не помнит, но которая никуда не делась.

– Нравится? – улыбается прабабка.

Девочка молчит. Слушает. Мелодия заканчивается, она продолжает сидеть неподвижно, и внутри неё – странное, щемящее чувство. Не грусть. Скорее – узнавание. Как будто этот звук – ключ, который пытается открыть дверь, но замок заржавел, и ключ не поворачивается.

– Изольда?

И тут начинается рёв. Такой, что соседи сбегаются.

– Что случилось? Упала? Ударилась?

– Да нет, часы пробили, и она...

– А-а-а-а! – орёт девочка, не в силах объяснить, что этот звук пробудил в ней память о том, чего она не может вспомнить. О море, которого она никогда не видела. О доме, которого у неё нет. О том, что она потеряла что-то важное, и это что-то – не здесь, не в этой комнате, не в этом теле.

Часы отключают. Навсегда. В доме прабабки, а потом и у всех родственников, бой затыкают тряпками, снимают гири, отключают механизмы. Девочка не должна плакать.

Но рынду она будет слышать потом много раз. В фильмах про море, в записях, даже просто в голове, когда сильно захочет. И каждый раз этот звук будет отзываться в ней той же щемящей, необъяснимой тоской, которую она научится прятать, но не сможет забыть.

5. Калоши

Прабабка Анфиса приезжает из очередной поездки. Барнаул – Ташкент, Ташкент – Барнаул. Мешки с картошкой туда, мешки с калошами обратно. Это бизнес, но не ради выживания – это её личная месть Советам за то, что они сделали с её семьёй, с её городом, с её жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.